

Том Николас Райт
Бог есть. Что дальше? Как стать
теми, кем мы призваны быть

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613105

Бог есть. Что дальше? Как стать теми, кем мы призваны быть: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-48051-7

Аннотация

Мы все получили от Бога великий дар жизни, и все большие и малые события в ней имеют свой смысл. Не так важно, во что и как мы верим или даже не верим, но жизнь, данная нам Богом, одна, и у каждого из нас в ней есть определенное призвание. Загляните в свое сердце. Научитесь управлять своей подлинной натурой. Обновите ум. Станьте тем, кем вы призваны быть.

Содержание

Предисловие	4
1	7
Чем я должен заниматься в этой жизни	7
Каким образом узнать о том, как надо жить	10
Что же происходит в нашем хаотичном и встревоженном мире	13
Нечто большее, чем счастье	17
Что важнее, чем счастье	18
Секс, деньги и власть в контексте замысла Бога	19
Сила правильных привычек	22
Умение поступать правильно	25
2	29
Как управлять своей подлинной натурой	29
Замысел Бога о мире и поведение каждого конкретного человека	31
Подлинные секреты любого успеха	34
Поразительные особенности мозга	37
Что стоит за правилами, по которым мы должны жить	42
Опасный «путь к себе»	46
Великий дар Бога	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Том Николас Райт

Бог есть. Что дальше? Как стать теми, кем мы призваны быть

*Посвящается Мэгги –
с любовью и благодарностью*

Предисловие

Эта книга в каком-то смысле представляет собой продолжение «Главной тайны Библии» (*Surprised by Hope*) и «Настоящего христианства» (*Simply Christian*). Там я указал на основополагающий принцип христианства первых веков (среди прочего) – на веру в то, что Бог Творец замыслил в итоге соединить небо и землю и что этот замысел уже начал осуществляться в Иисусе Христе. Эта вера во всем определяет наши представления о теории и практике христианства. В книге «Главная тайна Библии» я, в частности, утверждал, что христианская надежда не сводится к стремлению «попасть на небеса», но она направлена на воскресение в новом Божьем творении, на появление «нового неба и новой земли».

При этом, как верили первые христиане, воскресение и новое творение уже стало реальностью благодаря тому, что произошло с Иисусом в пасхальные дни. И в двух предыдущих книгах я говорил о том, что из этого следует для христиан в нашем мире, в частности – как это влияет на христианское поведение. В настоящей книге я намерен рассмотреть этот вопрос подробнее, уделяя особое внимание таким темам, как христианский «характер» и «добродетель». В целом я хочу показать, что христианскую жизнь в нынешнем мире следует понимать исходя из конечной цели, ради осуществления которой мы были созданы и искуплены. Именно эта цель придает жизни христианина – с его особым призванием и ответственностью за мир – ее неповторимую форму. Чем яснее мы понимаем эту конечную цель, тем лучше видим, какой путь к ней ведет.

Я не намерен предлагать читателю этическую систему, основанную на этой цели. Вы не найдете здесь набора правил на все случаи жизни, чего иной читатель мог бы ожидать от книги о христианском поведении. Далее я объясню, почему в целом считаю такой подход неправильным. Скорее я хочу показать, как формируется особый христианский характер – в контексте общего вопроса формирования характера человека. В частности, я хочу подробно разобрать некоторые важнейшие места Нового Завета, смысл которых, как я полагаю, искажается или преуменьшается, когда на них смотрят с иной точки зрения. И я старался показать, как первые христиане понимали вопрос о «поведении» – не как некую самостоятельную тему, но как один из аспектов общей картины, в которой центральное место занимали такие вещи, как поклонение и миссия.

Я старался писать так, чтобы мои мысли были понятны любому читателю, и отказался от рассмотрения многих спорных вопросов, касающихся христианского поведения в целом или каких-то его отдельных сторон. Людям, которые следят за этими спорами, несложно будет увидеть, что в таком-то месте я солидарен с тем или иным автором, а в другом – с кем-то из них не согласен. В конце книги я поместил примечания со ссылками на людей, которые мне помогли, и на дискуссии, в которые, смею надеяться, данная книга может внести свой скромный вклад. Среди прочего я хотел напомнить читателям Нового Завета о том, что великая традиция, рассматривающая поведение через призму добродетели, может дать нам гораздо больше того, чем мы ожидаем, а также напомнить людям, размышляющим о добро-

детели, о том, что Новый Завет поможет им продвинуться в этих размышлениях куда дальше, чем им может показаться. Но не это главная задача данной книги. Прежде всего я стремился показать христианам – неважно, чем они занимаются и к какой традиции себя относят, – как привлекательна и удивительна добродетель в ее неповторимой христианской форме. На пути к ней люди – и вместе, и по отдельности – становятся именно такими, какими нас задумал Бог, людьми, созданными для поклонения и миссии и формирующими свой характер в соответствии с этой двойной задачей.

Я хотел бы сказать несколько слов для читателя, который стоит вне христианской традиции. В других моих книгах я объяснял, почему – несмотря на весь скептицизм нынешнего западного мира – я верю в Бога, который создал этот мир и намерен в итоге здесь все исправить. В нас живут неистребимые мечты – о свободе и красоте, о добром порядке и любви, о том, что мы что-то можем изменить в этом мире, – и эти мечты занимают должное место именно в рамках более грандиозной картины, включающей Бога, который создал этот мир и который желает навести здесь порядок, причем хочет привлечь людей к участию в осуществлении этой задачи. А теперь нам предстоит взглянуть на тот же самый предмет с другой точки зрения. Если в нашем мире столько путаницы, то как мы можем понять, что «хорошо» и что «плохо»? И как нам понять, что значит быть человеком? Я писал эту книгу в надежде, что она заставит читателей задуматься о двух вещах. Я хотел бы, во-первых, чтобы христиане по-новому взглянули на природу христианского поведения, а во-вторых, чтобы каждый читатель задумался о том, что значит быть человеком в подлинном смысле слова. И я полагаю, что если мы достаточно глубоко пойдем обе эти вещи, они предстанут перед нами как нечто единое и цельное.

В этой книге было бы неуместным разбирать иные спорные предметы, и потому я буду опираться на некоторые предпосылки. Я предполагаю, что четыре канонических Евангелия более или менее точно передают слова и дела Иисуса из Назарета. Я подробно писал об этом в других книгах, где полемизировал с теми, кто придерживается совершенно иных представлений по данному вопросу. Подобным образом я предполагаю, что послания к Ефессянам и Колоссянам написаны апостолом Павлом, хотя многие библеисты последнего столетия в этом сомневались. На самом деле аргументация данной книги не зависит от этих предпосылок, а потому, чтобы нас это не отвлекало, я более не намерен возвращаться к этим вопросам.

Когда я описывал жизнь церкви и те проблемы, которые встают перед христианами сегодня, я не забывал о том, что, к сожалению, знаю только современную церковь Запада. Я с большой радостью встречаюсь с христианами, живущими в других частях мира, и с представителями иных христианских традиций и все еще надеюсь больше узнать о них и чему-то у них поучиться. Но я не вправе говорить от их имени в данной книге. Так что на самом деле мне надо было бы говорить не о «христианах» вообще, но о «современных западных христианах» – однако это звучало бы напыщенно и некрасиво. Я верю, что читатели, особенно те, что живут в иных частях земного шара, поймут, что мои представления ограничены тем, что мне знакомо. Я надеюсь, они найдут в себе не только доброту, чтобы простить мне эту узость, но и мудрость, которая позволит им применить мои слова в контексте их собственной жизни.

Как всегда, мне хочется поблагодарить моих издателей и редакторов, особенно Микки Модлина и Марка Таубэра из HarperOne и Саймона Кингстона и Джоанну Мориатри из SPCK за их помощь и поддержку, а также моих коллег из Дарема, которые мне постоянно помогали. Я упомянул многих из моих коллег, оказавших мне помощь, в Послесловии.

Особой благодарности заслуживает моя жена, которая со стойким энтузиазмом относилась к моей работе над книгой и была готова терпеть сопутствующие этому домашние сложности даже в те моменты, когда на нее обрушивались неожиданные проблемы. Невозможно писать о добродетели, не думая при этом о любви, а я не способен думать о любви,

не думая о моей жене. Я посвятил ей две другие книги, каждая из которых была важной поворотной точкой в моей жизни и работе. В этот раз, как обычно, я хочу выразить жене мою любовь и благодарность, но я также надеюсь, что за долгие годы жизни эти качества стали более глубокой привычкой сердца.

Том Райт

Оклендский замок

Весна 2009 года

1

Зачем я живу?

Чем я должен заниматься в этой жизни

Это случилось с Джеймсом, когда ему было двадцать с чем-то лет. Его жизнь текла плавно с ее обычными подъемами и спадами без особо ярких событий. И однажды совершенно случайно он повстречался со старым другом, который шел в церковь, стоявшую неподалеку. Герой моего рассказа пошел вместе с ним – и тем же вечером, к своему великому удивлению, понял, что его жизнь изменилась самым радикальным образом.

«Никогда не думал, что такое бывает, – рассказывал он мне несколько лет спустя (конечно, его настоящее имя не Джеймс). – Когда я кому-то об этом говорю, людям кажется, что я свихнулся на почве веры, но для меня это здравая истина. Я встретил Иисуса! Он был для меня такой же реальностью, как вы в этой комнате. И старинные банальности вдруг стали истиной. Я почувствовал, что меня очистили, омыли и я стал более живым, чем когда-либо раньше. Как будто бы я погрузился в глубокий сон и проснулся в новом мире. Раньше я никогда не понимал всех этих разговоров о Боге, но поверьте мне, они полны смысла».

Джеймс рассказал мне свою историю из-за того, что его мучила одна загадка. Он регулярно посещал ту церковь, где пережил встречу, изменившую его жизнь. Он узнал многое о Боге и Иисусе. Кроме того, он немало чего узнал и о самом себе. Ему объяснили – и совершенно справедливо, – что Бог любит его сильнее, чем он может себе представить, и эта любовь настолько сильна, что Бог даже послал Иисуса на смерть ради него, Джеймса. Проповедники, которых он слушал, утверждали, что мы, люди, никакими своими делами не можем завоевать Его благорасположение ни сейчас, ни в нашем окончательном будущем. Все, что мы получаем, есть исключительно дар Божьей благодати и доброты. Джеймс радовался этим словам, как утомленный путешественник в жаркой пустыне мог бы обрадоваться чашке прохладной воды. Это было удивительной новостью. Он хотел жить этими словами.

Но теперь перед ним стоял огромный вопрос.

Зачем я живу?

Именно так Джеймс сформулировал его в нашем разговоре. За ним стояла примерно такая логика:

Бог любит меня, о да.

Он преобразил мою жизнь, так что у меня появилось стремление молиться, поклоняться Богу, читать Библию и отказаться от прежних разрушительных привычек. И это прекрасно.

Очевидно (и об этом он не раз слышал в своей церкви), Бог хочет, чтобы я поделился этой доброй новостью с другими, чтобы они открыли это для себя. Хорошо. Это немного странно, и, возможно, я не очень гожусь для решения этой задачи, но я делаю то, что в моих силах.

И конечно, все это связано с великим обетованием о том, что в будущем я всегда буду вместе с Богом. Настанет день, когда я умру, но Иисус обещал, что верующий в него будет обитать вместе с ним на небесах. И это великая вещь.

Но зачем я живу *сейчас*? Что происходит *после того, как ты уверовал*?

Джеймс обратился ко мне именно потому, что его не удовлетворяли ответы на этот вопрос, которые давали его друзья и прихожане его церкви. Они говорили, что Бог призывает некоторых людей к особому христианскому служению – и тогда они становятся, скажем,

пасторами, или учителями, или врачами, или миссионерами, или выполняют сразу несколько подобных задач. Но Джеймс не понимал, какое отношение это имеет к его жизни. Он работал над докторской диссертацией по информатике, и его ждали разнообразные карьерные возможности. Имеют ли эти знания и возможности хоть какое-то отношение к «духовным» предметам? Или ему предстоит несколько десятилетий бесцельно брести по жизни, ожидая того дня, когда он умрет и отправится на небеса, призывая в свое свободное время других людей жить таким же образом? Неужели больше ничего нет? Может быть, между моментом, когда ты уверовал, и днем смерти, когда ты отправишься на небеса, есть что-то еще?

Но зачем я живу сейчас?

Что происходит после того, как ты уверовал?

Хуже того, Джеймс обнаружил еще одну загадку, связанную с этим вопросом. Многие из его новых друзей сурово придерживались дисциплины. Они усвоили множество правил христианского поведения из Библии и считали, что Бог призывает их исполнять эти правила. Но Джеймс не мог понять, как это соотносится с другим важнейшим положением веры – что Бог принимает его таким, какой он есть, благодаря тому, что совершил Иисус, и что для этого нужна только лишь вера человека. А если это правда, то почему он должен соблюдать какие-то архаичные и порой крайне странные правила?

Мне хочется думать, что я дал ему правильный ответ. Честно сказать, это было давно, и я не помню, что именно говорил – но мой последний разговор с Джеймсом позволяет думать, что он что-то понял. И его вопрос нельзя назвать необычным. Множество западных христиан сегодня думают о той же самой загадке, и во многом данная книга была написана для того, чтобы помочь им найти ответ.

Я вспомнил о Джеймсе, получив буквально на следующий день письмо от моего старого друга. Многие христиане, писал он, охотно принимают мысль о том, что «достаточно просто верить в Иисуса, и тогда можно ничего больше не делать». Многие христиане придают такое большое значение обращению, первому акту веры, решимости следовать за Иисусом и начальному исповеданию веры («верю, что Иисус умер за меня», или нечто подобное), что в их представлении о том, что значит быть христианином, есть огромное белое пятно. Они как будто стоят возле глубокой и широкой реки, глядя на противоположный берег. На *этом* берегу ты исповедуешь веру. На *том* берегу находится наша главная цель – наше вечное спасение. Но чем мы должны заниматься сейчас? Просто стоять и ждать? Существует ли мост между двумя берегами? И что из этого следует для самой нашей веры? Если мы относимся к этому небрежно, писал мой друг, этот первый акт веры может стать «просто согласием с каким-то утверждением (что Иисус – Сын Божий и т. д.), которое не предполагает никаких перемен образа жизни».

**Иисус и авторы Нового
Завета предъявляли первым
христианам строгие
нравственные требования.**

**И реалистичны ли эти
требования в наше время?**

Перемена жизни? Любопытная мысль. Но вправе ли мы об этом думать? Должны ли христиане смотреть на свою жизнь с такой точки зрения? Ведь за этим кроется мысль о том, что между нынешним моментом и будущим через реку оставшихся дней моей жизни перекинут мост. Но разве этот мост не был выстроен в те давние времена, когда люди наивно полагали, что могут стать достаточно хорошими для Бога с помощью своих собственных нравственных усилий? А если наши нравственные усилия ничего не значат, то в чем смысл христианской жизни? Только в том, чтобы в один прекрасный день попасть на небеса – быть

может, убедив нескольких других людей отправиться туда вместе с вами? Стоит ли прилагать к чему-либо великие усилия после того, как ты уверовал, – или достаточно следить за подобающей чистотой носа в ожидании дня, когда ты умрешь и отправишься к Иисусу, чтобы пребывать с ним вечно?

Люди, думающие об этом, указывают еще на одну загадку. Сам Иисус, а вслед за ним и авторы Нового Завета, похоже, предъявляли первым христианам довольно строгие нравственные требования. Как это объяснить? Если мы уже спасены, какое значение имеют наши поступки? И реалистичны ли эти требования в наше время?

Не все христиане мучаются над этими вопросами. Однако многих они беспокоят, и я надеюсь, эта книга покажет им, что старинный мост, оставленный ими без внимания или признанный негодным, вполне способен выдержать их вес и надежно соединяет два берега реки. У этого моста есть множество названий, о которых нам еще предстоит поговорить. И одно из самых очевидных его имен – *характер*. Именно этому качеству посвящена данная книга.

Каким образом узнать о том, как надо жить

Эта книга возникла и еще по одной причине. Многие люди из тех, кто никогда не задумывался о вопросе, мучавшем Джеймса, сталкивались с другой проблемой. Позвольте вам представить двух других моих старых друзей (их имена я также изменил): Дженни и Филиппа.

На одном многолюдном собрании в церкви Дженни и Филипп начали спорить. Проблема же заключалась в том, что на самом деле у этого спора не было единого предмета, а каждый из них говорил о своем.

Дженни опиралась на четкое правило Писания. Сам Иисус сказал, что развестись и вступить в другой брак – это прелюбодеяние. Конечно, когда люди раскаиваются в содеянном грехе и готовы его оставить, их следует прощать, но как можно простить того, кто живет в повторном браке, то есть в откровенном прелюбодеянии, и не намерен его расторгнуть, а считает, что это правильные и Богом данные отношения? В частности, как может церковь сделать такого человека своим пастором? (Разумеется, именно ради этого вопроса и было создано собрание.) Как такой пастор будет говорить молодым людям о том, что хорошо и что плохо? Как он будет готовить пары к верному браку на всю жизнь, если сам нарушил правила? Если мы верим в евангельскую истину, говорила Дженни, то должны опираться на правила, представленные в Новом Завете. Эти правила совершенно однозначны. Либо ты следуешь им, либо их нарушаешь.

Слова Филиппа были не менее убедительными. Иисус пришел не для того, чтобы дать нам свод правил. И разве апостол Павел не сказал, что «Христос – конец закона»? Суть учения Иисуса заключалась в том, что он *принимал* всех людей, особенно тех, которых презирали гордящиеся собой праведники. (В этот момент Филипп не кинул взгляда на Дженни, но все и так поняли, что он хотел сказать.) Иисус пришел, чтобы мы открыли, кем мы на самом деле являемся. Иногда, как это было с первыми учениками Иисуса, на это уходит немало времени и люди совершают ошибки, но в конце концов способны это понять. И разве Иисус не рассказывал притчу об отце, принявшем блудного сына, и о его брате, гордящемся своей праведностью, который не пожелал войти в дом? Филипп предпочел бы иметь такого пастора, который познал трудности и мог убедиться, что Иисус продолжает его любить, тому, кто будет с недостижимой высоты возвещать о законе и призывать к соблюдению правил, которые половина прихожан все равно соблюсти не сможет. Это только лишь породит лицемерие! Мы верим в Иисуса, который принимает нас такими, какие мы есть, и потому, придя к вере, мы продолжаем радоваться тому, что он нас принял, и двигаться дальше из этой точки. Это путь честности, путь правды по отношению к себе и открытости.

Не уверен, что Дженни и Филипп это понимали, но они испытывали злость и разочарование в процессе разговора потому, что начали путь с разных отправных точек. Дженни утверждала, что она «опирается на Библию», косвенно предполагая, что слова Филиппа лишены столь надежного основания, однако на самом деле все не так просто, как кажется. Дженни указывала на правила – может быть, лучше их называть Правилами с заглавной буквы, такими Правилами, которые ты обязан исполнять, нравится тебе это или нет. Она хотела бы, чтобы пастор этому учил и жил соответствующим образом. Тогда всем станет ясно, что есть что. Филипп же ценил аутентичность и поиск своего подлинного «Я», жизнь, свободную от лицемерия, жизнь в глубокой, богатой и ранимой честности. Это он хотел бы видеть и в пасторе. Он готов уважать человека, стремящегося к этому, и доверять ему.

Это было мучительное собрание. Людям становилось жарко в их воротничках (которые, как с грустью сказала Дженни позже, тоже не соответствовали Правилам). Они говорили не то, что намеревались сказать (и Филипп, произнося сердитые слова, понимал, что это

тоже можно назвать лицемерием). Они спорили не просто об ответе на конкретный вопрос. Их разногласия касались самого вопроса. Как христиане должны принимать решения по нравственным вопросам? Как мы вообще – даже если не относим себя к христианам – понимаем, что хорошо и что плохо? *Существуют* ли такие категории, как «правильно» и «неправильно», или жизнь устроена сложнее? *Существуют* ли Правила с заглавной буквы и как их применять к живым людям, а не к моральным схемам? С точки зрения Дженни, Филипп относился к опасной категории релятивистов, которые считают, что в нравственных вопросах нет черного и белого, но лишь оттенки серого цвета и что важнее всего быть правдивым с самим собой. А Филипп, слушая слова Дженни, видел там только жесткий и холодный легализм, не имеющий никакого отношения к тому Иисусу, которого он знал, к Иисусу, дружившему с грешниками и рассказывавшему о том, как ангелы устраивают праздник в честь одной заблудившейся овечки, которую удалось найти.

И такое столкновение двух подходов к вопросу христианского поведения повторяется неделя за неделей, год за годом на церковных собраниях, синодах, ассамблеях и съездах, а также в частных разговорах – и нередко этот же спор звучит в уме и сердце отдельного христианина. И на самом деле это христианская версия куда более широкого вопроса, который раньше или позже встает перед каждым мыслящим человеком, – это не просто вопрос «Как надо жить?», но вопрос «Как об этом можно узнать?»

**Перед каждым
мыслящим
человеком рано
или поздно встает
вопрос: как узнать
о том, как надо
жить?**

Этот вопрос не похож на тот, что мы рассматривали несколько страниц назад, но в итоге для них обоих существует один и тот же ответ. В случае Джеймса это было столкновение первого шага веры, который сопутствует обращению, с верой в окончательный момент, когда человек после смерти должен обрести спасение, обещанное Богом. Настоящая книга отчасти должна навести мосты между этими двумя моментами, отвечая на вопрос: что я должен делать в промежутке? Но мы рассмотрим и тот вопрос, который невидимо висел в воздухе между Дженни и Филиппом на той мучительной встрече. Как мы принимаем нравственные решения? Следует ли нам выбирать между Правилами (которые достаточно уяснить и принять) и системой поиска своего истинного «Я» (и правдивости по отношению к нему)? Существуют ли другие пути, позволяющие не только понять, как я должен жить, но и осуществлять это в своей жизни? Что происходит – и не только с отдельным человеком, но и в совместной жизни – *после того, как ты уверовал?*

Существует один ответ на оба эти вопроса, так что данная книга одновременно обращается и к тому, и к другому. Сам Иисус постоянно говорит о развитии определенного *характера* – и ему вторят христианские авторы первых веков. Характер – который изменяет, формирует, окрашивает жизнь человека и его привычки – способен породить такое поведение, на которое правила могут указывать, но которое недостижимо для *ментальности* соблюдения правил. Характер может создать такую жизнь, где человек верен своему «Я» – хотя это должно быть искупленное «Я», преображенное «Я», а не просто «открытое Я» популярного мышления. Я надеюсь, что данная книга поможет Джеймсам в нашем мире понять, для чего они здесь живут, а кроме того, позволит Дженни и Филиппам перенести свои споры в иные рамки – более просторные, лучше соответствующие Библии и даже более христианские. В

конечном счете после того, как ты уверовал, важнее всего не правила и не спонтанный поиск себя, но твой характер.

Что же происходит в нашем хаотичном и встревоженном мире

Зачем я живу в этом мире? Как мы можем знать, что хорошо и что плохо? Эти вопросы, хотя бы косвенно, время от времени задает себе любой человек, и ответы на них ищет любое сообщество людей. Но есть и третий тип вопросов, которые также тесно связаны с темой этой книги. Они куда шире вопросов, звучащих только в церкви, и прямо касаются того, что происходит в этом хаотичном и встревоженном мире – нашем мире.

Летом 2008 года началось ужасающее извержение вулкана, который уже давно громыхал в недрах земли, а теперь вырвался наружу. Это вулкан в переносном смысле, но он произвел такие же опустошения, как и природные катастрофы. Вся западная финансовая система, которая доминировала на земном шаре вот уже на протяжении нескольких поколений, разрослась до немыслимых пределов и рухнула под собственным весом. Как если бы великан забрался на дерево, чтобы съесть его плоды, а потом, из жадности, стал тянуться к окружающим деревьям, чтобы сорвать и их плоды тоже. Но он был слишком тяжел, и дерево, на которое он взобрался, не выдержало нагрузки. Оно сломалось под великаном, пока тот, обуреваемый жадностью, думал, как бы достать побольше плодов.

У финансового кризиса 2008 года есть много причин, и, возможно, читатель рад будет узнать, что я не намерен здесь их обсуждать. Но сразу после его начала множество людей заговорило о том, что на протяжении последних двадцати лет банки и другие финансовые институты тихо избавились от всевозможных правил и инструкций, которые в прошлом предотвращали их безответственную политику. Правила и инструкции ограничивают свободу, объясняли финансисты политикам. Здоровая экономика предполагает риск и его вознаграждает. И все пустились в соревнование, не понимая, что они стремительно несутся к краю пропасти. И сегодня, как многие говорят, следует вернуть эти правила и инструкции. Настало время закручивать гайки.

Это соответствует многим другим аспектам современной культуры. После 11 сентября 2001 года во всех аэропортах установили сложную систему проверки. Многие из нас уже забыли те времена, когда мы садились в самолеты, не проходя через контрольные пункты, оснащенные электроникой. А те, кто регулярно летает в США, уже привыкли к тому, что их фотографируют и с них снимают отпечатки пальцев. И куда бы ты ни отправлялся, особенно если тебе предстоит провести в другой стране больше, чем несколько дней, ты должен заполнять анкеты, ходить на собеседования, фотографироваться и так далее. Миллионы людей, которые, как ты сразу можешь понять, не собираются взрывать самолеты, должны тратить массу времени и денег на все эти официальные процедуры, чтобы доказать, что они – законопослушные граждане (хотя если они провели несколько часов в очередях, а потом их отправили за еще какой-то недостающей бумажкой, они, возможно, уже не чувствуют себя такими уж законопослушными). У нас в Великобритании любой человек, который хочет что-то делать на добровольных началах, если сюда входит любая работа с детьми, должен пройти длительную проверку, в процессе которой полиция ищет, нет ли преступных следов и намеков на дурное поведение в его прошлом. Такой процедуре подвергают даже семидесяти- или восьмидесятилетних людей, которые прожили безупречную жизнь и которых прекрасно знают все их друзья и родственники. Мы уже не доверяем людям – практически никому. Когда я пишу эти строки, я понимаю, что иной читатель может упрекнуть меня в опасной безответственности уже за то, что я подвергаю сомнению работу нынешней Системы. (При этом положение ухудшается. Нам предстоит заполнять все больше официальных бумаг. И это никому не помогает – разве что юристам, которым тем лучше, чем больше происходит

судебных процедур). Западный мир все сильнее испытывает над собой власть законов, правил и инструкций.

Причины того, что мы пошли этим путем, можно найти в нашей культуре. Но пока просто обратим внимание на то, что наша культура постоянно колеблется между дерегуляцией всех важнейших сфер жизни – денег, секса и власти, если сказать просто, – и (если можно использовать такое слово) ре регуляцией. Де регуляция объясняется тем, что людям хотелось беспрепятственно осуществлять свои стремления, стать (так сказать) верными самим себе и посмотреть, что из этого выйдет. Но когда эта дерегуляция порождает хаос – в финансовом мире (деньги), во взаимоотношениях (секс), в наших войнах, политике, в тюрьмах, в практике допросов (власть), – люди желают снова ввести старые правила, чтобы снова воцарился порядок. Но сложность заключается в том, что *введение новых правил ничего не меняет в самой сути проблемы*. Делать, что тебе хочется, не слишком хорошо, но сами по себе правила не решают проблемы.

Я вдруг ясно понял это в начале 2009 года в процессе разговора с одним финансистом, моим старым знакомым, который мог наблюдать кризис лета 2008 и теперь пытался спасти то, что можно спасти, и восстановить, насколько возможно, нормальное положение вещей.

– Том, – сказал он, – они могут ввести сколько угодно новых правил и инструкций. И действительно, иные правила нам не помешают, мы зашли слишком далеко, дав людям возможность играть с гигантскими суммами денег и заключать безумные сделки. Но любой банкир или ипотечный брокер с легкостью наймет толкового бухгалтера и юриста, и они заполнят ему все бумажки, которых требует правительство, а затем снова станет делать то, что хочет, в обход системы. Так что есть ли в этом смысл?»

– Но где же решение проблемы? – спросил я.

– Это – характер, – ответил финансист. – Правила нужны, пока они работают. Но наше последнее поколение перестало понимать одну важную вещь: что образ мыслей важен, что честность важна. Система здорова лишь в той мере, в какой составляющим ее людям и их порядочности можно доверять – и не в силу правил, а в силу того, что это за люди.

**Любой банкир или ипотечный
брокер с легкостью наймет
толкового бухгалтера
и юриста, и они заполнят ему
все бумажки, которых требует
правительство, а затем снова
станет делать то, что хочет,
в обход системы**

Это согласуется с прагматическим взглядом Д.К. Гэлбрейта, который писал в начале 1950-х о финансовом кризисе конца 1920-х годов. Если мы хотим добиться стабильности финансового мира, говорил он, нам следует прислушаться к голосам людей, переживших тот кризис. Фактически, он говорил, что финансовые кризисы происходят именно из-за того, что свидетели Великой депрессии умерли или отошли от дел, и нам не хватает их воспоминаний и характеров, сформированных этим опытом, чтобы новые поколения увидели опасность безответственности.

После этого разговора произошло еще одно извержение вулкана, почти столь же разрушительное, в общественной жизни Великобритании. Людей из других стран удивило, почему коррупция политиков вызвала такой резонанс – во многих странах люди молчаливо *предполагают*, что все политики продажны и что граждане с этим ничего не могут поделать, – однако в моей стране это было настоящим потрясением основ всей системы. Внезапно выяснилось, что политики расходовали общественные деньги на такие вещи, которые

показались налогоплательщикам сомнительными, если не мошенничеством – вроде выплат по закладным на несуществующую собственность. Политики оправдывали себя тем, что они действовали «по правилам». Да, возможно, но ведь они сами создали эти правила! Под нажимом общественности некоторые политики заявили, что не видят ничего плохого в использовании общественных денег для повышения своего благосостояния. И наконец, когда зажатые в угол политики сдались и решили обнародовать данные о своих расходах, они сначала сделали так, чтобы никто не мог прочесть в них самых главных вещей. Люди всегда подозрительно относились к политикам, но после этого события у них не осталось к ним ни капли доверия.

С одной стороны, этот скандал похож на фарс – хотя дорогостоящий и оскорбительный. Но я заговорил об этом случае здесь, чтобы показать еще один пример ситуации, где звучит все тот же вопрос о нравственности, вопрос XXI века. Что случается «после того, как ты уверовал» – в демократию? В западную финансовую систему? В общественную жизнь и глобальное сообщество завтрашнего мира? Можем ли мы жить, опираясь на «правила» и «инструкции»? Будем ли мы полагаться на официальные бумажки и ментальность соблюдения правил – или же на развитие достойного доверия характера, которому сопутствуют мудрость и глубина? С другой стороны, что случится, если мы позволим людям «быть верными себе» в надежде, что все каким-то образом наладится? Будет ли эта система работать с самого начала – или, опять же, только когда создастся нужный «характер», так что политики будут бескорыстно работать на благо общества (как, можно надеяться, и действуют некоторые наши политики сегодня)?

Вот еще одна история из другой сферы, в которой мы также найдем уже знакомую тему. Несколько лет назад мне пришлось сидеть на сцене рядом с некогда знаменитым английским регбистом. Он рассказывал о том, что за последние десять-пятнадцать лет в мире регби произошли радикальные изменения: главным стало стремление сделать все как можно более профессиональным, так что молодые игроки находятся под огромным давлением, нацеленным на «результаты». Сегодня игрока, говорил он, тренируют невероятно много. Он осваивает десятки «ходов»: что делать в этой ситуации, как защититься от такой-то стратегии противника, как сохранять контроль над игрой, как ее начинать. Но сегодня лишь немногие из них играют просто ради удовольствия, приобретая то «шестое чувство» игры, которое позволяет им импровизировать в совершенно новых ситуациях. В результате они теряются, сталкиваясь с чем-то неожиданным. У них нет набора правил для такой ситуации. Им не хватает глубинного характера игрока, который позволяет «читать» игру с помощью второй природы и находить быстрые и мудрые решения.

**Сегодня лишь немногие играют
просто ради удовольствия,
приобретая то «шестое чувство»
игры, которое позволяет им
импровизировать в совершенно
новых ситуациях**

Мы начали с вопроса, который, как могло показаться, особенно волнует христиан (а не людей извне), точнее – христиан определенных взглядов (которые видят в жизни две точки: начальное обращение и конечное спасение – а между ними как будто почти ничего нет). Но это впечатление неверно. Те же вопросы сегодня стоят перед всем западным миром. А поскольку западный мир какое-то время доминировал на земном шаре в культуре, политике и экономике – а порой даже и в спорте, – раньше или позже эти же вопросы встанут перед всем глобальным сообществом. Вопрос о том, что происходит «после того, как ты уверовал», как сначала могло показаться, относится только к жизни отдельного христианина. Но затем

мы увидели, что он касается всей церкви – тех Дженни и Филиппов, которые мучительно бьются над решением нравственной загадки. И он выходит за пределы церкви и беспокоит весь окружающий мир. Мы хотим не просто принять ясное и мудрое решение о том, *что* нам надо делать – на личном уровне, в церкви и в общей жизни, – но и понять, *как* это делать. Каким образом это можно осуществить?

И мы постоянно возвращались к одному и тому же ответу: здесь нужен характер. Любопытно, что именно к этому призывал своих слушателей Иисус. Сейчас мы поговорим об одной знаменитой драматической встрече, которая послужит для нас ярким и красочным введением в тему.

Нечто большее, чем счастье

Одна из самых запоминающихся евангельских сцен – это рассказ о богатом, умном, энергичном юноше, который кинулся к Иисусу, чтобы задать ему наболевший вопрос (Мф 19:16–30, Мк 10:17–22, Лк 18:18–30). Нам стоит вспомнить, что в Древнем мире серьезные люди обычно не бегали. Это лишало их достоинства. Однако этот человек страстно хочет увидеть Иисуса и получить ответ на свой вопрос – во всяком случае, он так думает. Так что он забывает о достоинстве и стремительно бросается к Иисусу только для того, чтобы спросить: «Что сделать мне доброго?» У него перехватило дыхание, он в нетерпении ждет, что скажет ему этот необыкновенный учитель. Похоже, у Иисуса был особый подход к любой ситуации, посмотрим, как он поступит в этой.

Пылкий молодой человек задал свой вопрос потому, что от ответа зависело его будущее. Он хотел жить надеждой и, подобно большинству людей, понимал, что нынешние поступки имеют последствия в будущем. Будучи иудеем I века, он думал о грядущем Божьем новом мире, где, как верили люди, Бог, создавший мир, навсегда соединит небо с землей и щедро наполнит все творение справедливостью, миром и славой. «Что сделать мне доброго, – произносит он, – чтобы иметь жизнь вечную?»

Здесь нам придется остановиться и уяснить одну вещь. Какой образ рождают у нас эти слова? Когда иудей I века говорил о «вечной жизни», он не думал, как это обычно делаем мы, о небесах, куда он попадет после смерти. (Все это подробно рассмотрено в моей книге «Главная тайна Библии».) «Жизнь вечная» – это грядущий век, то время, когда Бог соединит небо и землю, когда придет Божье Царство и исполнится Его воля и на земле, как на небе. И юноша спрашивал Иисуса: когда все это случится, войду ли я в этот мир? Как это узнать? Каким мне надо быть сегодня, если я хочу участвовать в жизни нового века, когда Бог спасет свой печальный старый мир и исполнит свои обещания? Как эта будущая реальность должна отразиться на том, каким я буду сегодня? У меня есть цель – каким путем мне к ней идти?

Этот не прямой вопрос волновал не только иудеев I века, он стоит перед людьми любой эпохи, живущими в любом месте. Нередко, задавая его, люди произносят слово «счастье». Как найти подлинное счастье, как жить, чтобы получать от своей жизни глубокое удовлетворение – ведь я чувствую нутром, что предназначен именно для этого, но так часто этого не получается? Лидеры США даже включили эти слова в свои важнейшие документы, где написано, что каждый человек имеет право на «жизнь, свободу и стремление к счастью».

И это, разумеется, ставит перед нами вопрос, который уже задавали себе философы древности: откуда мы знаем, на что похоже подлинное счастье? Поскольку многие люди стремились его обрести, но у них ничего не вышло, существует ли такое счастье на самом деле и как его надо искать? Что нам надо делать сейчас для достижения этой цели – чтобы стать людьми во всей полноте, реализовать наш потенциал и стать теми, кем мы призваны быть?

**Когда иудей I века
говорил о «вечной
жизни», он не думал,
как это обычно
делаем мы, о небесах,
куда он попадет
после смерти**

Многие люди считают, что христианство должно ответить на первый вопрос («Что мне делать?»), предоставив отвечать на второй («Как найти подлинное счастье и стать тем,

кем я призван быть?») философам и неверующим мыслителям. Многие люди думают, что ответ на вопрос «Что мне делать?» вступает в конфликт с ответом на вопрос «Как найти подлинное счастье?», поскольку мы привыкли думать, что правила поведения *мешают* нам быть счастливыми – или, если взглянуть на это с иной точки зрения, что на пути к счастью нам необходимо нарушать или обходить правила.

Что важнее, чем счастье

Но я думаю, что жизнь куда сложнее и интереснее. С точки зрения подлинной христианской веры и правильное поведение, и счастье – это побочный продукт чего-то еще, ветвь на ином стволе. Если мы найдем такое «что-то еще» – а история о богатом юноше, который подбежал к Иисусу со своим вопросом, указывает на этот «иной ствол», – мы сможем разобраться и со всеми ответвлениями. Я надеюсь показать в этой книге, что библейские представления о предназначении человека открывают перед нами такую картину, в которой вопрос о правильном поведении и вопрос о счастье просто совпадают. Но в первую очередь данная книга посвящена вопросу поведения и библейским корням ответа на этот вопрос.

Если внимательно приглядеться к вопросу «Что мне надлежит делать?», мы можем увидеть там два отдельных вопроса. Во-первых, это вопрос о *содержании* поведения: *каким именно образом* я должен себя вести? Но здесь есть и второй вопрос, касающийся *средств* или *методов* моего поведения: если я знаю, что должен и чего не должен делать, *каким способом* я могу это воплотить в моей реальной жизни? Все люди древности знали об этой нравственной загадке: что мы все делаем то, чего, как мы понимаем, не должны делать, и не делаем того, что должны. И вот что удивительно – Иисус дает на оба эти вопроса один и тот же ответ: «Следуй за Мной».

**С точки зрения
подлинной христианской
веры и правильное
поведение, и счастье —
это побочный продукт
чего-то еще, ветвь на ином
стволе**

Этот призыв описывает и то, *что* именно нужно делать, и то, *как* это делать. И теперь мы можем вернуться к разговору Иисуса с нетерпеливым юношей.

Этот юноша, подобно многим другим иудеям I века, считал, что Бог дарует свой новый век верным иудеям – а эту верность определяет послушание Закону, который кратко сформулирован в Десяти заповедях. Это не было для иудеев (как некоторые думают) системой заслуг и вознаграждений, где «соблюдение правил» дает человеку пропуск в новый мир, скорее это касалось древнего договора Бога со своим народом: Бог избавил Израиль и сделал его своим народом, а Закон указывал на то, что этот народ может делать для выражения своей признательности Богу. Однако юноша, вероятно, соблюдал эти условия договора – он не убивал, не прелюбодействовал, не крал, не лжесвидетельствовал, не лгал, почитал родителей, – но ему все равно казалось, что в его жизни чего-то не хватает.

Иисус согласен с юношей, но затем предлагает ему «нечто большее» – и здесь юноша оказывается на незнакомой территории. Перечисленные выше заповеди – это последние шесть из десяти. А что делать с неупомянутыми? Оставим без внимания заповедь о субботе, это – другая тема. Но первые три заповеди относятся к иной сфере: они призывают избегать идолопоклонства и прославлять единого Бога и его имя. Иисус не упоминает об этих заповедях. Но вместо этого он говорит о таких вещах, которые полностью меняют всю жизнь юноши. Если ты хочешь быть «совершенным», говорит Иисус, избавься от своего имуще-

ства. Продай его и раздай деньги бедным. А затем приходи и следуй за мной. Поразительная вещь: поставить Бога на первое место – это значит следовать за Иисусом. И наоборот.

Обратите внимание на то, что происходит в этом разговоре. Юноша стремится к полноте. Он хочет жить совершенной жизнью – совершенной уже сегодня, чтобы она стала совершенной и в будущем. Он понимает, что ему чего-то «недостает», и хочет найти в жизни цель, которая сделала бы его совершенным. А Иисус предлагает ему нечто совсем иное. Он должен, забыв о своих целях, стать участником большего замысла – поставить на первое место Царство Божье, поставить своих ближних (особенно из бедных) выше своего стремления к совершенству и благополучию. И это настоящий вызов: Иисус не предлагает юноше исполнять одну-другую дополнительные заповеди, чтобы поднять планку нравственности немного повыше, но призывает его стать совершенно иным человеком. Иисус призывает юношу к *изменению характера*.

**Это настоящий вызов:
Иисус не предлагает
юноше исполнять одну-
другую дополнительные
заповеди, чтобы поднять
планку нравственности
немного повыше,
но призывает его стать
совершенно иным
человеком**

И юноша к этому не готов. Опечаленный, он уходит. Между теорией и реальностью, между заповедью и ее выполнением существует пропасть. Иисус сказал юноше, как надо себя вести (в первом смысле), но тот не знает, как это осуществить (во втором смысле). И этот неприятный вопрос остается висеть в воздухе на протяжении всей евангельской истории. Какой же путь ведет в новый Божий век, в ту эпоху, когда Царство Бога наполнит землю справедливостью и миром? Как нам стать теми, кто не просто наследует этот век, но и уже сейчас станет участником его прихода? Что нам нужно для этого делать и почему? Как это осуществлять? Может быть, если мы лучше поймем замысел Бога о будущем, мы лучше поймем, что делать сегодня?

Секс, деньги и власть в контексте замысла Бога

Прежде чем мы закончим разговор об этой яркой истории, давайте посмотрим, в каком контексте она подана в Евангелии от Марка, в намерении указать на ее глубинный смысл. У Марка она входит в ряд сцен в главе 10, где Иисус идет в Иерусалим, хотя он еще на пути к месту назначения.

В первой сцене (стихи 2-12) учителя Закона задают Иисусу вопрос о разводе – а это было «жареной» темой с политической точки зрения, поскольку правитель Галилеи Ирод Антипа вступил в брак с женой своего брата. В своем загадочном, но суровом ответе Иисус говорит об изначальном замысле Бога об отношениях мужчины и женщины. После встречи с юношей и до того момента, как Иисус окончательно направляется в Иерусалим, стоит эпизод (стихи 34–45), где два ученика Иисуса, Иаков и Иоанн, просят его позволить им воссесть рядом с ним в его Царстве. Ответ Иисуса снова и загадочен, и суров, причем он ссылается на изначальный замысел Бога о том, как люди должны пользоваться данной Им властью. Таким образом на протяжении пятидесяти стихов мы видим, как Иисус ставит все эти знакомые темы: секс, деньги и власть – в контекст изначального замысла Бога, у которого был иной и более богатый замысел о жизни человека. Иисус никогда не говорит: «Вот правила,

которым ты обязан следовать», – и он также не говорит: «Тебе нужно следовать желаниям твоего сердца, реализовать твою мечту». Иаков с Иоанном хотели реализовать свою мечту, к тому же самому стремился и Ирод. Иисус не говорит: «Следовать за мечтой опасно, лучше следуйте правилам». Он говорит нечто куда более интересное, он говорит об изменении, о преобразении характера человека.

Но как человек может изменить и преобразить свой характер? В повествовании Марка есть две другие короткие сценки, которые дают ответ на этот вопрос. В первой из них (стихи 13–16) Иисус говорит, что путь в Царство Божье – это путь ребенка. Во второй (стихи 32–34) он заявляет, что когда вместе с учениками придет в Иерусалим, его убьют, а потом он воскреснет. Эти эпизоды показывают, что ответ на главные вопросы людей лежит не там, где его обычно ищут. Для ответа на эти вопросы нам следует вспомнить о том, к чему стремился сам Иисус, который говорил о приходе Царства Бога и призывал: «Следуйте за мной».

Иисус смотрит на поведение людей не так, как мы привыкли. Можно разделить теории поведения человека на две группы: согласно одной, ты должен соблюдать правила, которые тебе предлагают сверху, согласно другой, ты должен открыть глубинные желания твоего сердца и осуществлять их. Большинство из нас колеблется между этими двумя позициями: мы соблюдаем некоторые правила, потому что, как мы думаем, этого желает Бог или ради соблюдения приличий, но стремимся реализовать наши мечты, когда нам дается такой шанс. Вокруг этих двух подходов к жизни выросло множество теорий, которые мы рассмотрим в следующей главе.

**Иисус ставит все эти
знакомые темы: секс,
деньги и власть —
в контекст изначального
замысла Бога,
у которого был иной
и более богатый замысел
о жизни человека**

Но нам следует обратить внимание на главу 10 Евангелия от Марка, которая предлагает нам какое-то совершенно иное измерение реальности. Прежде всего, она призывает не к каким-то конкретным поступкам, но к формированию определенного *характера*. Кроме того, она предлагает нам стать действующими лицами определенной *истории* – и в этой истории есть главное действующее лицо, жизни которого мы должны подражать. И у этого действующего лица есть главная цель, и он хочет, чтобы эта цель формировала его собственную жизнь и жизнь его последователей.

Все это говорит нам о том, что Евангелие от Марка, где главный герой – это Иисус, не призывает нас ни к соблюдению правил, ни к реализации нашей мечты. Вместо этого оно предлагает нам быть людьми особым образом, и об этом немало размышляли древние и современные философы. В этой книге я хотел показать, что Новый Завет призывает читателей стать людьми таким особым образом, который позволяет нам выносить нравственные суждения и формировать наш характер. И такой способ быть человеком и формировать свой характер называется словом *добродетель*.

**Евангелие от Марка
не призывает нас
ни к соблюдению
правил, ни к
реализации нашей
мечты... Оно**

**предлагает быть
людьми особым
образом**

Как мы увидим, добродетель – сложный и многосторонний предмет. Я намерен показать читателю, что первые последователи Иисуса во многом были согласны с тогдашними философами, а во многом решительно с ними расходились во мнениях. А это, в свою очередь, позволит нам понять, что мы должны делать в наши дни, когда особый христианский характер, с одной стороны, радикально отличается от «путей мира сего», а с другой стороны, решительно претендует стать образцом для всех людей в нашем мире. Но прежде чем мы приступим к рассмотрению этого вопроса, нам следует понять, как добродетель осуществляется на практике. Мы оставим богатого юношу, который горел желанием задать свой вопрос Иисусу, и переместимся по оси времени почти на две тысячи лет вперед, чтобы поговорить о человеке постарше, обладающем более трезвым умом.

Сила правильных привычек

Четверг 15 января 2009 года был самым обычным днем для Нью-Йорка. Или казался обычным. Но к вечеру этого дня жители города заговорили о чуде.

Возможно, нью-йоркцы были правы. Хотя полное объяснение того, что произошло, куда более поразительно. И это прямо связано с тем, о чем мы говорили, – с темой характера вообще и особенно с темой христианского характера.

Рейс 1549 был самым обычным рейсом компании US Airways, с отправлением в 15:26 по местному времени из аэропорта Ла Гардиа и с пунктом прибытия в городе Шарлотт в Северной Каролине. Капитан Челси Салленберджер III (его прозвали Салли) провел полагающуюся проверку. Все в аэробусе A320 работало нормально. Однако через две минуты после взлета произошло столкновение воздушного корабля со стайей диких канадских гусей. Даже один-единственный гусь, попавший в реактивный двигатель, становится серьезной проблемой, а стая гусей – это просто полная катастрофа. (Специалисты изобретают всевозможные хитрости, чтобы предотвратить столкновение взлетающих самолетов с птицами, но иногда такие вещи все же происходят.) Почти сразу оба двигателя самолета вышли из строя. Самолет летел на север над Бронксом – одним из самых густонаселенных районов города.

Капитан Салленберджер и его второй пилот должны были срочно принять решение – причем им надо было думать не только о спасении жизни пассажиров, но и о жителях Бронкса. Они знали о существовании одного-двух маленьких аэропортов поблизости, но поняли, что могут не долететь до них. Если бы они попытались туда приземлиться, самолет мог бы упасть на жилые дома. Подобным образом попытка сесть на большом шоссе, ведущем в Нью-Джерси, была бы крайне опасной для пассажиров, не говоря уже о машинах на этой дороге и тех, кто в них ехал. Оставалась одна-единственная возможность – река Гудзон. Садиться на воду крайне трудно: одна маленькая ошибка – скажем, если нос или крыло самолета коснутся воды, – и самолет начнет переворачиваться, как акробат, а потом разлетится на части и утонет.

За те две-три минуты, которые предшествовали посадке, Салленберджер с помощником должны были сделать массу необходимых действий (не считая множества других задач, которые не доступны уму того, кто не управлял самолетом). Им надо было отключить двигатели. Им надо было развить нужную скорость, чтобы самолет мог парить над землей без помощи моторов так долго, как нужно (по счастливой случайности капитан также работал инструктором по планерному спорту). Им надо было опустить носовую часть самолета, чтобы управлять скоростью. Им надо было отключить систему автопилота и наблюдения за полетом. Им надо было включить систему, которая затыкает все щели и дыры, чтобы после посадки в самолет не затекала вода. И что всего важнее, им нужно было быстро развернуть самолет над рекой, чтобы произвести посадку по направлению течения реки. И поскольку они уже отключили двигатели, все это им приходилось делать с помощью механизмов управления, работавших на аккумуляторах, и экстренной системы генерации энергии. И после разворота требовалось сделать так, чтобы оба крыла самолета оказались на совершенно одинаковом расстоянии от воды. И наконец, им нужно было приподнять носовую часть, но не слишком сильно, и опуститься на поверхность реки.

И им удалось все это совершить! Никто серьезно не пострадал, и сам капитан Салленберджер несколько раз прошелся мимо пассажирских кресел, чтобы убедиться в том, что все покинули самолет, прежде чем он сам вышел наружу. Быть может, впервые в жизни он оказался на спасательном судне рядом со своими пассажирами, и здесь он сделал еще кое-что: снял свою рубашку – а дело происходило морозным январским вечером – и отдал ее пассажиру, который трясся от холода.

Эту историю бесконечно рассказывали и пересказывали, и она останется не только в памяти бывших в том самолете, но и всех жителей Нью-Йорка и, вероятно, не только их. Прошло чуть больше семи лет и четырех месяцев после ужасной катастрофы 11 сентября 2001 года, и Нью-Йорк услышал об иной истории с самолетом, по поводу которой можно было *ликовать*.

Некоторые люди, как я уже говорил, назвали это событие «чудом». В каком-то смысле это определение не вызывает у меня сомнений. Однако важнее всего в этой истории то, что она самым наглядным образом иллюстрирует одну наиважнейшую истину – истину, которую многие сегодня забыли, если слышали о ней вообще.

Можно это назвать силой правильных привычек. Можно сказать, что она отражает годы обучения и большой опыт. И можно назвать то, что за ней стоит, словом «характер», которое мы уже не раз упоминали в начале книги.

Древние авторы называли это же явление словом «добродетель».

В этом смысле добродетель не является простым синонимом «доброты». Иногда его понимают в таком плоском смысле (может быть, потому, что мы инстинктивно опасаемся, что иначе это слово бросает нам вызов), но строго говоря, это не совсем верно. Добродетель в точном смысле слова – это то, что происходит с человеком, который тысячу раз совершал определенные поступки, для чего ему требовалась сила и сосредоточенность, чтобы делать добрые и правильные вещи, которые для него отнюдь не «естественны», а затем, в тысячу первый раз, когда это было крайне важным, он увидел, что совершает нужные поступки, как мы бы сказали, «автоматически». И в этот тысяча первый раз может показаться, что он сделал нужный поступок «без труда», хотя, если подумать, можно понять, что подобные вещи нелегко даются людям. Если бы вы или я оказались в кабине пилота аэробуса А320 и вели бы себя «естественно» и «автоматически», вероятнее всего, самолет упал бы на жилые дома Бронкса (я хочу попросить прощения у пилота, который, может быть, читает эту книгу: я надеюсь, что вы поступили бы так же, как капитан Салленберджер). Как показывает этот пример, *добродетель* появляется тогда, когда мудрые и смелые поступки становятся как бы «второй природой» человека. Не «первой природой», потому что в каком-то смысле эти поступки не «естественны». Или здесь можно говорить о какой-то «естественности» иного уровня. Нечто подобное происходит, когда кто-нибудь развивает в себе чувство вкуса: решения и поступки, которые сначала давались человеку с трудом, в итоге становятся, о да, его «второй природой».

Разумеется, Салленберджер не обладал врожденным умением водить самолеты и тем более делать те сложные вещи, которые он сделал за те три решающие минуты. Ни эти конкретные навыки, ни тем более смелость, собранность, ясность мышления и забота о других, которые он показал, не даются человеку в момент рождения. Нам приходится работать над этими качествами, медленно продвигаясь к цели. Надо желать все это освоить, сделать соответствующий выбор и практиковаться. И это нужно делать снова и снова. И наконец, наступает момент, когда все это ты совершаешь «автоматически», подобно Салленберджеру. Как будто бы нужные способности и умения пронизывали его всего от головы до ног.

И этот человек сделал свое дело. Нам даже страшно думать о том, чем бы все могло кончиться без него. Допустим, в кабине сидели бы неопытные пилоты, которые бы просто «вели себя естественно». Или они достали бы учебник, где описано, что делать в случае отказа двигателей, отыскивали бы нужную страницу и постарались бы следовать инструкциям. К тому моменту, как они бы в этом разобрались, самолет бы уже упал на землю. Нет, здесь был нужен характер, сформированный с помощью особых усилий, то есть особые «добродетели», которые позволяют уверенно управлять самолетом, и более общие добродетели, такие как смелость, собранность, ясность мышления и решимость сделать то, что требуется для спасения других людей.

**Добродетель
появляется тогда,
когда мудрые
и смелые поступки
становятся как бы
«второй природой»
человека**

Именно эти четыре качества характера – смелость, собранность, ясность мышления и решимость поступать правильно в интересах других – величайший античный философ, писавший об этих предметах, считал ключами к подлинно человеческому бытию. Мы поговорим о них в следующей главе, а пока я хочу привести еще один пример – это тоже критическая ситуация, которая ярко демонстрирует один особый аспект «добродетели».

Умение поступать правильно

На севере Англии, где я живу, дожди никого не удивляют, однако начало сентября 2008 года запомнилось многим. Дождь лил как из ведра без остановки, и в последний день этого ливня выпало столько осадков, сколько обычно выпадает за месяц. Это было не самое подходящее время для прогулок, однако одна отважная семья решила выйти на улицу. Когда они шли по парку в городке Честер-ле-Стрит – а это примерно в двадцати километрах от моего дома, – их собака залезла в огромную лужу, а за ней последовала их трехлетняя дочь. И здесь совершенно внезапно девочка просто исчезла. Подбежав к луже, отец увидел, что там нет и собаки. И он тотчас осознал, что случилось: лужа просто скрывала широкое устье для стока воды, так что девочку вместе с собакой просто туда всосало. Мгновенно подумав, отец, Марк Бакстер, сообразил, что, вероятнее всего, вода должна сливаться в реку, находящуюся примерно в ста метрах от парка. И он здесь же кинулся к реке. И действительно, он увидел на поверхности воды плывущий по течению плащ девочки, а Лаура, его дочь, была под ним с лицом, повернутым ко дну. Он здесь же нырнул в воду и вытащил дочь – всю в синяках и ссадинах, но живую.

Еще одно чудо? В каком-то смысле, да. Все могло обернуться иначе. Девочка могла бы застрять в трубе. Или же, к тому моменту как ее достал отец, она могла наглотаться воды и умереть. Но во всей этой истории меня больше всего поражает рассказ Марка Бакстера о том, как он несся к реке.

«Каждый раз, как мне в голову лезли дурные мысли, – сказал он, – я заставлял себя думать о чем-то ином».

И здесь мы сталкиваемся с загадкой. Марк Бакстер не тратил времени на разработку детального плана своих действий – это он понял за одно мгновение. Но ему пришлось прилагать усилия, чтобы сдерживать свои мысли. Можно понять, что отец в такой ситуации думает о всех возможных ужасах и кошмарах, так что он мог бы запаниковать или потерять рассудок. Но у него было самообладание, которое помогало ему отмахиваться от своих страхов. Он сознательно отвлекал себя от плохих мыслей, сосредоточившись на том, что он должен сделать. И это можно назвать «характером» – в том смысле, в каком мы здесь используем это слово.

И это качество не сваливается на нас с неба. Оно появляется тогда, когда мы стремимся как можно лучше выполнять какие-то действия – играть на музыкальном инструменте, управлять трактором, читать лекции, заведовать домом для сирот. Или когда мы стремимся жить мудро. И когда бы ты ни стремился выполнить сложную или многостороннюю задачу, ты снова и снова теряешь сосредоточенность мыслей и твой ум стремится думать о чем-то более простом или увлекательном. И если тебе хочется сделать свое дело, тебе приходится снова и снова возвращать свой ум к задаче. И если ты хочешь научиться справиться с задачей, тебе понадобится работа определенных натренированных психических способностей, как спортсмену для выполнения продолжительного и интенсивного упражнения требуется работа натренированных мышц. (И это одна из многих причин, почему многочасовое сидение перед телевизором можно назвать дурной привычкой. Программы целенаправленно создаются таким образом, чтобы они привлекали внимание и ничего не требовали от зрителя. Это тоже своего рода «тренировка» – она учит избегать трудных дел и «плыть по течению». Может быть, это и хорошо для отдыха, но телевизор не учит нас тем психическим навыкам, которые нужны, чтобы жить полноценной человеческой жизнью.) В тот момент, как я редактировал этот раздел, по радио шла передача о диете для снижения веса, и один из ее участников, испробовавший эту диету на себе, говорил: «Я с удивлением понял, что мое

стремление есть жило в моей голове, а не в желудке». Это важный начальный шаг. Стоит навести порядок в мыслях – и это отразится на поведении.

Как выяснилось, Марк Бакстер работал в BBC Великобритании. Подобно Салленберджеру, он осваивал самоконтроль в той сфере, где он имеет чрезвычайно важное значение. Способность мгновенно оценить ситуацию, понять, что нужно сделать, и осуществить задуманное как бы стихийно – это одно. Способность отгонять от себя пугающие и парализующие мысли в момент исполнения дела – это другое, нечто вроде дисциплины ума, которая необходима, чтобы «добродетель» действовала в тебе в полной мере. «Я заставлял себя думать о чем-то ином». Это умение не приходит к человеку стихийно, ему нужно учиться. Причем оно потребуется нам в любой сфере жизни или работы. Ты никогда не знаешь, в какой момент тебе понадобится такая дисциплина, но однажды она может спасти чью-то жизнь. Тогда у тебя не будет времени на размышления. «Характер» этой дисциплины мышления должен войти в твою плоть и кровь.

В этой истории есть еще одна замечательная побочная линия. Трехлетнюю Лауру водили на плавание. Там она научилась расслабляться в бассейне, раскинув руки и ноги, так что вода поддерживала ее тело. Когда она пришла в себя, она сказала, что пыталась расслабиться в воде, но у нее ничего не получалось, поскольку труба была слишком узкой. Даже в три года она достаточно хорошо усвоила тот урок, что в неожиданной опасной ситуации некоторые вещи помогают тебе спастись. И она также каким-то образом научилась не паниковать в момент странного и неожиданного события.

К счастью, в нашей жизни нам редко приходится сталкиваться с опасностями. Но знание о том, как вести себя и в привычной жизни, и в опасности, не рождается вместе с нами. С того момента, как ребенка просят есть быстрее, или посидеть неподвижно, или перестать плакать, или укладываться спать – не говоря уже о том, когда его учат не красть, не обижать других детей или не лгать, – он попадает в странный мир пожеланий и надежд, команд и запретов, чувств и гипотез, вопросов и ожиданий. И нам всем приходится учиться нелегкой задаче – мудро ориентироваться в этом мире, пока мы растем и взрослеем. И в данной книге я хотел подчеркнуть тот факт, что такая практика «добродетели» – тренировка привычек сердца и поведения, которая направлена на достижение истинной цели человеческой жизни, – составляет самую суть христианского поведения, как оно представлено в Новом Завете. Вот что такое развитие «характера». Этим нам нужно заниматься – как и предлагает христианская вера – в короткий или длинный промежуток времени «после того, как мы уверовали».

Если мы взглянем на вещи с этой точки зрения, нас ждут сюрпризы. Великое множество христиан, как показывает мой опыт, никогда так не делало, а потому они часто бывают растерянными. Если сказать просто, добродетель – это революционная идея для сегодняшнего мира, да и для сегодняшней церкви. Но эта революция нам всем крайне нужна. И именно здесь мы найдем ответы на те вопросы, с которых начали. После того как ты уверуешь, тебе нужно развивать христианский характер, осваивая специфические христианские «добродетели». Чтобы принимать мудрые этические решения, тебе надо не просто «знать правила» или «быть верным самому себе», но развивать христианскую добродетель.

**Тренировка привычек
сердца и поведения,
которая направлена
на достижение
истинной цели
человеческой жизни,
составляет самую
суть христианского**

**поведения, как оно
представлено
в Новом Завете**

И в нашем мире, в эти непонятные и опасные времена, нам крайне нужны люди, характер которых сформировался именно таким образом, – они смогут вести за собой других. Мы устали от прагматиков и рискованных экспериментов искателей своего «Я». Нам нужны люди, обладающие характером.

Но чем нам помогут эти истории о человеческой добродетели – история о пилоте, посадившем самолет на реку, или об отце, отгонявшем от себя «дурные мысли», который спас дочь, – если речь идет о следовании за Иисусом? Разве это не совершенно иные вещи?

Некоторые величайшие умы всей истории христианства мучились над этим вопросом, сопоставляя «естественную человеческую» добродетель и «чисто христианскую» добродетель, и находили на него разнообразные ответы. И суть дела состоит в том, что христианские представления о добродетели, о характере, ставшем второй природой, точно соответствуют тому, что означает быть человеком в подлинном смысле этого слова – таким человеком, какого многие из нас не могут даже себе представить. А в таком случае неизбежно должны быть и пересечения, где две эти добродетели совпадают, и расхождения, где христианство предъявляет к человеку совершенно иные требования и предлагает иные средства для их исполнения. Первые христиане, среди прочего, утверждали, что, *с одной стороны*, Иисус открыл им совершенно уникальный смысл бытия человека, а *с другой стороны* – что этот смысл вбирает в себя все лучшие достижения античной мудрости, где они попадают в такой контекст, где, наконец, обретают свое подлинное значение. И Новый Завет не перестает нам об этом напоминать.

Как это поможет нам ответить на вопрос Джеймса, которого беспокоит «белое пятно» между первым актом христианской веры и полнотой бытия после смерти? Что мы могли бы сказать Дженни и Филиппу, которые все еще мучаются, вспоминая свое столкновение на встрече в церкви? И что мы можем сказать всему нашему миру, который сотрясают политические и экономические катастрофы и который качается, подобно маятнику, под влиянием неразберихи в нравственной и культурной жизни?

В каком-то смысле мы будем отвечать на эти вопросы – или хотя бы постараемся начать давать ответы – на протяжении всей этой книги. Но есть одна-две вещи, о которых следует сказать с самого начала.

Как я уже мимоходом упоминал, когда люди думают о том, как нужно поступать, они выбирают одну из двух позиций. Ты можешь жить по правилам, подчиняясь чувству долга и возложенным на тебя обязанностям – неважно, нравятся они тебе или нет. Либо ты можешь провозгласить, что не связан всеми этими вещами и хочешь быть собой, открыть свое подлинное Я, следовать желаниям своего сердца, быть аутентичным и спонтанным. Хотя Дженни и Филипп о том не подозревали, суть их спора сводилась к двум этим позициям. Джеймс также столкнулся с ними, хотя его вопрос прозвучал в более широком и более опасном контексте: зачем мы вообще здесь живем? В целом ответ, который дает на него данная книга, примерно таков: мы живем затем, чтобы стать людьми в подлинном смысле этого слова, людьми, отражающими Бога, по образу которого мы были сотворены, и мы станем такими людьми через поклонение и через миссию – в самом полном и широком ее понимании, – и делая это, мы «следуем за Иисусом». И под действием Святого Духа это приводит к преобразению характера. В результате такого преобразования мы действительно будем «следовать правилам» – не как возложенной на нас извне «обязанности», но в силу сформировавшегося у нас характера. И в то же время мы будем «следовать желаниям сердца» и жить «аутентично» – но только когда преобразенный характер проявит себя в полную силу (как у пилота, который тренировался долгие годы), тогда тяжелый труд принесет плод

спонтанных решений и действий, которые будут отражать то, что созрело в глубине нашего бытия. А в нынешнем мире, за пределами церкви, нас ждет задача растить и формировать новое поколение лидеров во всех сферах жизни, новое поколение людей, характер которых был сформирован мудростью и желанием служить другим, а не желанием заполучить деньги и власть.

И самая суть здесь – главное из того, что должно происходить «после того, как ты уверовал», – это *преображение характера*. Эта тема настолько важна, что придется ей посвятить всю следующую главу, после чего мы обратимся к тому, что об этом говорили Иисус и его первые последователи.

2

Почему нужно меняться

Как управлять своей подлинной натурой

«Характер» человека чем-то похож на надпись внутри брайтонского леденца. Этот леденец, продающийся на взморье, знаменит тем, что буквы (скажем, буквы слова «Брайтон») не просто напечатаны сверху, так что если мы полижем или погрызем эту сладость, они исчезнут. Нет, надпись сохраняется. И если расколоть или надкусить палочку леденца, мы все равно будем видеть эти буквы.

И когда мы говорим о «характере» в том смысле, в каком я его представил в этой книге – и надо заметить, такой же смысл часто имеет в виду и Новый Завет, – мы имеем в виду нечто подобное. В таком смысле «характер» человека – это определенный образ мышления и поведения, пронизывающий всего человека, так что в каждой его отдельной части вы видите отпечаток одной определенной личности. Противоположным явлением мы можем назвать поверхностность: мы все знаем людей, которые на первый взгляд кажутся честными, радостными, терпеливыми и так далее, но, узнав их получше, вы понимаете, что это просто маска и что в минуту кризиса или просто когда никто на них не смотрит, они становятся бесчестными, брюзгливыми или нетерпеливыми.

На самом деле я не знаю, как изготавливают брайтонский леденец и подобные сладости, но хочу подчеркнуть, что в обычных леденцах мы не ожидаем найти такие сохраняющиеся буквы. Кто-то вложил их внутрь. Подобным образом те качества характера, в которых Иисус и его первые ученики видели наиважнейший признак подлинной христианской жизни, не появляются стихийно. Их нужно развивать. Над ними нужно работать. Вам приходится о них помнить и делать соответствующие поступки, чтобы дать Святому Духу возможность сформировать в вас такой характер, который поначалу может казаться странным и «неестественным». Только этот путь позволяет приобрести такой «характер», который дает возможность мгновенно в неожиданной ситуации действовать мудро и рассудительно.

**Мы все знаем людей,
которые на первый взгляд
кажутся честными,
радостными, терпеливыми
и так далее, но, узнав их
получше, вы понимаете,
что это просто маска**

И мы можем заметить, обрел человек такой характер или нет. Это лучше поможет понять одна известная история. У одного знаменитого проповедника был друг, который отличался вспыльчивостью. И однажды на вечеринке проповедник попросил своего друга помочь ему разносить гостям напитки. При этом разливавший питье проповедник намеренно наполнил некоторые стаканы почти до края. Затем он вручил поднос со стаканами другу. Войдя в комнату, где сидели гости, проповедник как бы нечаянно толкнул своего друга, так что поднос в его руках покачнулся и в некоторых стаканах жидкость перелилась через край. «Посмотри, что происходит с тобой, – сказал проповедник другу. – Когда тебя толкают, то, что тебя наполняет, переливается через край». При столкновении с внезапным испытанием, которое не оставляет времени подумать о том, как ты выглядишь, проявляется

твоя подлинная природа. Вот почему характер следует долго развивать. Из тебя изливается то, что тебя наполняет – и от тебя зависит, что ты с этим делаешь.

Вот еще одна знаменитая история, которая позволит нам взглянуть на тот же предмет с иной точки зрения. На этот раз про евреев. Жил да был раввин, который славился тем, что в любых обстоятельствах думал логично и ясно. Чтобы его испытать, ученики сначала звали его в гости, где напоили его крепкими напитками до того, что раввин заснул. Затем они отнесли его на кладбище и положили прямо перед чьим-то надгробием и уселись неподалеку, чтобы посмотреть, что скажет раввин, когда проснется. Как только знаменитый учитель пришел в себя, оказалось, что он вполне сохранил свою логику. «Во-первых, – произнес он, – если я жив, то почему лежу на кладбище? Во-вторых, если я мертв, почему мне хочется в туалет?» Даже в столь странных обстоятельствах раввин сохранил полную ясность ума.

**При столкновении
с внезапным испытанием,
которое не оставляет
времени подумать
о том, как ты выглядишь,
проявляется твоя
подлинная природа**

«Характер», понимаемый в таком смысле, присущ всем людям, а «христианский характер» – одна из его разновидностей. Мы говорим о «дурном характере», когда видим человека, который в любой момент в своей жизни проявляет неприятные или опасные качества в мыслях и поступках. Подобным образом мы говорим и о «хорошем характере». Хотя разные люди могут вкладывать в это выражение разный смысл, большинство из нас понимает, что мы имеем в виду. Этот человек честен, достоин доверия, держит себя в руках, хранит верность (в том числе и в браке), добр, щедр и так далее.

Во многом представления западной культуры о том, что составляет «добрый характер», создавались под многовековым влиянием некоторых элементов христианского вероучения. И хотя наша культура уже давно стремится отказаться от своих христианских корней, представления о «добром характере» все еще во многом пересекаются с представлением о «христианском характере». И данная книга это учитывает. Хотя на ее страницах мы в основном будем говорить о христианском характере, мы не будем забывать о том, что с христианской точки зрения быть христианином значит, среди прочего, становиться человеком в подлинном смысле слова. И потому все, что касается развития христианского характера, в значительной степени пересекается с более широким вопросом развития «характера», которое так остро нужно всему нашему обществу.

Как же этот «характер» преобразуется? Что при этом происходит?

Замысел Бога о мире и поведение каждого конкретного человека

Характер меняется под воздействием трех вещей. Во-первых, вам надо поставить перед собой правильную цель. Во-вторых, вам надо определить, какие шаги ведут к достижению этой цели. В-третьих, эти шаги должны стать вашей привычкой, как бы вашей второй природой.

Это звучит приятно и просто, но, разумеется, на деле это совсем не то же самое, что на словах. И поскольку многие люди рассматривали вопрос христианского поведения с самых разных точек зрения, вначале нам стоит рассмотреть эти различные подходы, чтобы мы могли двигаться дальше.

Вернемся к тем людям, о которых мы говорили в первой главе. Джеймс и подобные ему просто совершенно незнакомы с самими представлениями о характере и его преобразении, которые я описывал. Джеймс пришел к вере, и в его церкви предполагают, что отныне он должен себя вести определенным образом (и *не* совершать определенных поступков), но при этом поведение рассматривается не с точки зрения характера, но с точки зрения обязанностей. Другими словами, это предполагает, что христиане *должны* жить по определенным правилам. Если это у них не получается, им просто нужно покаяться и начать следующую попытку. Либо ты живешь христианской жизнью, либо нет. И любая мысль о нравственном росте – о длительном медленном изменении глубинных привычек – при таком подходе кажется подозрительной. Ведь это было бы попыткой «оправдаться делами» – то есть попыткой *заслужите* спасение. Соблюдение правил (важное также для Дженни и подобных ей) не помогает тебе получить оправдание или спасение. Это просто твоя обязанность. И если вообще встречается изменение характера, то это происходит уже в момент обращения под действием Святого Духа. А если Святой Дух действительно приходит и вселяется в сердце и жизнь человека, тому автоматически хочется жить в соответствии с Божьей волей. Это не вопрос нравственных усилий и борьбы. Стоит тебе только уверовать, и ты с легкостью соблюдаешь нужные правила. (А отсюда негласно следует и другое: если на самом деле тебе трудно их соблюдать, постарайся сделать вид, что тебе легко.)

Для Филиппа – а сегодня в западной церкви у него найдется много единомышленников – важнее всего «аутентичность». Нет ничего значимее верности себе. Бог принял тебя таким, какой ты есть, а теперь твоя жизнь должна выражать ему за это благодарность. И любая попытка заставить себя придерживаться какого-то нравственного правила, которое тебе чуждо, отрицает дар Бога, принявшего тебя, и твою собственную аутентичность бытия. После того как ты уверовал, тебе следует понять, кем ты на самом деле являешься, и жить соответствующим образом, спонтанно следуя глубинным велениям твоего сердца.

Образ христианской жизни, представленный в данной книге, обладает поверхностным сходством с обеими этими точками зрения, но радикально от них отличается. Я намерен опираться на древнюю традицию, породившую представления о «добродетели», которая преобразилась под влиянием Иисуса и Нового Завета с их радикально новым взглядом на нравственность. Вскоре мы поговорим об этом подробно. А пока я хочу представить предварительный набросок более полной картины, где можно увидеть, как я понимаю формирование «характера» в христианском контексте и что я подразумеваю под словом «добродетель».

В чем заключается сама конечная цель христианской жизни? Здесь нам стоит глубже понять одну вещь, о которой я уже мимоходом говорил, когда мы рассматривали разговор Иисуса с богатым юношей. Хотя многие христиане западного мира полагают, что основная цель христианской жизни сводится всего лишь к тому, чтобы «попасть на небеса после смерти», Новый Завет предлагает нам другой ответ, который куда богаче и интереснее. Да,

люди, которые посвятили свою жизнь Иисусу, не разлучатся с ним и после смерти – об этом обетовании говорят некоторые места Нового Завета. Но это только начало для всего остального. В конце всего – после того, как многие из нас обретут покой и отдых в присутствии Иисуса – Бог, согласно Его обетованиям, намерен заново воссоздать весь мир, весь тварный порядок. Этот мир будет во всем совершенно новым, так что он наконец наполнится присутствием и славой Бога, «как воды покрывают море» (Ис 11:9). А что при этом произойдет с нами? Мы получим новые тела, чтобы жить в новом Божьем мире с его красотой и славой. И это, по моему глубокому убеждению, куда более полная и всеобъемлющая картина, изображающая конечную надежду людей. Такая картина соответствует обетованиям Нового Завета, хотя многие христиане об этом не знают.

И когда мы созерцаем эту конечную цель христианской жизни и задаем себе вопрос: «Какие шаги ведут *именно к этой*, а не к какой-либо иной цели?» – с нами происходит нечто интересное.

Ответ на этот вопрос – и нам еще предстоит убедиться в том, что Новый Завет снова и снова об этом говорит, – звучит так: преобразование, которое совершится согласно обетованию Бога в конце времен, *уже началось в Иисусе*. Когда Бог воздвиг Иисуса из мертвых, в действие вступил Божий замысел о новом творении, и Бог созвал самых разных людей, чтобы они участвовали в осуществлении этого замысла уже здесь и сегодня. А это значит, что шаги, которые приближают нас к конечной цели, – те осмысленные стороны христианской жизни, которые заполняют промежуток между первым актом веры и конечным спасением, – уже отражают то самое преобразование новой твари.

Многие христиане полагают, что основная цель христианской жизни сводится к тому, чтобы «попасть на небеса после смерти», Новый Завет предлагает нам другой ответ, который куда богаче и интереснее

О том, как это происходит, мы поговорим позднее. Сейчас нам важно понять, что мы можем делать, причем уже здесь и сейчас, шаги, ведущие к этой цели, к жизни воскресения в новом творении. И эти шаги ведут к преобразению характера в самом буквальном смысле этого выражения. Цель христианской жизни в настоящее время – та цель, к которой следует стремиться сразу после прихода к вере, совершая доступные уже сегодня шаги, которые позволяют предвосхитить грядущую жизнь, – это создание полноценного христианского характера, который уже сейчас приносит плоды.

Как в случае с пилотом, который столкнулся с непредвиденной ситуацией, где от его решений зависела жизнь и смерть, христианский характер подвергается проверке: будем ли мы, столкнувшись с неожиданным испытанием, действовать на основе второй природы христианской добродетели – или же мы начнем паниковать, не зная, как поступить, и, вероятно, не сможем сделать то, что нужно было сделать.

Однако сами по себе неожиданные события, требующие быстро принять решение, не представляют собой основную пищу христианской жизни преобразенного характера, как столкновение с гусями не составляет повседневной жизни пилота. Это только лишь критические моменты, которые дают шанс характеру, незаметно формировавшемуся на протяжении многих лет, показать себя в полной мере. Но сам по себе этот характер, способный выдерживать испытания и принять верные решения в неожиданной ситуации, строится на основании

позитивной цели, которая всегда стоит перед нами. Этому вопросу будет посвящена следующая глава.

Но прежде того нам следует обсудить несколько предметов, которые в каком-то смысле составляют фон для этого вопроса, однако такой фон – как это бывает с картинами великих мастеров, – который куда сильнее влияет на видимое на переднем плане, чем то может нам показаться на первый взгляд. Во-первых, где все это располагается на знаменитой карте представлений о нравственности (где важное место занимает и представление о добродетелях) западного мира в целом? Во-вторых, как такое преобразование характера, о котором мы говорим, соотносится с современными теориями развития мозга и обучения другим вещам – скажем, обучения языку? Ответы на оба эти вопроса могут кого-то удивить и, быть может, воодушевить.

Подлинные секреты любого успеха

Я хочу предложить христианский ответ на эти вопросы – фактически тот ответ, который дает на них Иисус, – и мы будем подробнее разбирать его на протяжении всей книги. Существует традиция представлений о нравственности, основоположником которой является Аристотель. Эта традиция была хорошо знакома Древнему миру, так что вдумчивый читатель I века, столкнувшись с учением Павла и других последователей Иисуса из первых поколений, оценивал мысли христиан на ее фоне.

Аристотель примерно за 350 лет до Иисуса выделил три компонента в развитии характера. Во-первых, о чем мы уже говорили, это «цель», *telos*, то, к чему мы в итоге стремимся; затем это шаги, ведущие к достижению данной цели, «силы» характера, которые позволяют достичь цели; и наконец, это процесс нравственного обучения, которое превращает эти «силы» в привычку, делает их второй природой.

Говоря о цели, Аристотель имел в виду плодотворную человеческую жизнь. Мы можем представить себе человека, полностью реализовавшего свои потенциальные возможности и во всей полноте обладающего характером, которому присущи целостность и мудрость. Аристотель, говоря об этой цели, использовал слово *eudaimonia*, которое иногда переводят как «счастье», хотя сам Аристотель вкладывал в него такой смысл, который лучше передается словом «процветание».

Под шагами к этой цели Аристотель и его последователи подразумевали сильные стороны характера, которые, если они в должной мере развиты, позволяют человеку постепенно приближаться к процветанию. Как полагал Аристотель, чтобы достичь *eudaimonia*, нужно развивать в себе эти сильные стороны, подобно тому как футболист тренирует все разные мышцы своего тела и отрабатывает все возможные способы обращения с мячом, которые ему пригодятся в игре. Здесь недостаточно усвоить один-два приема, и натренированные сильные ноги не помогут игроку, если у него слабое туловище, и если он может сильным ударом послать мяч на другой край поля, но неспособен тихо обойти противника, его нельзя назвать хорошим футболистом. Подобным образом для всестороннего процветания человеку нужны все основные сильные стороны характера, которые мы сейчас рассмотрим. Аристотель называл эти сильные стороны греческим словом *areté*, позже латинские авторы называли их *virtus*, откуда происходит английское слово *virtue* – «добродетель». Таким образом, «добродетели» – это различные стороны характера, которые в совокупности позволяют человеку достичь полного процветания.

**Для всестороннего
процветания человеку
нужны все основные
сильные стороны
характера**

Аристотель – а вслед за ним и та традиция, которая определяла представления о нравственности в тот момент, когда христианство возникло и начало распространяться и предлагать всем людям новый образ жизни, – говорил о четырех важнейших добродетелях. Это мужество, справедливость, мудрость и умеренность. По мнению Аристотеля, это «петли», позволяющие распахнуть дверь, за которой находятся полнота жизни и процветание человека. Вот почему их часто называют «кардинальными добродетелями»: латинское слово *cardo* означает «дверная петля». (Кардиналы Католической церкви – это те «петли», которые своим служением поддерживают всех прочих верующих. Есть также птица «кардинал», которая никак не связана с дверями, но получила свое название из-за цветного оперения,

которое напоминает пышные одеяния кардиналов. То же самое можно сказать и о спортивных командах под названием «Кардиналы» – футбольной из Аризоны и бейсбольной из Сент-Луиса.)

Кроме «кардинальных добродетелей» существуют и другие. Но, по мнению Аристотеля, эти четыре образуют основу для всех прочих. Упражняйтесь в этих четырех, говорил он, и вы достигнете полного «счастья» и процветания. Это цель, конечная точка путешествия жизни человека. А добродетели – это дороги, которые приведут вас в нужное место.

Если вы посмотрите на знаменитых героев, на людей, чьи поступки называли «чудесными», вы скорее всего увидите людей, характер которых сформировался именно таким образом. Это нередко верно даже в том случае, когда речь идет о спортсменах: игрок, который в критический момент способен совершить невозможный удар, вероятнее всего, отрабатывал этот удар на тренировках, пока тот не стал его второй природой. Однажды игрока в гольф из Южной Африки по имени Гари Плейер комментаторы называли «счастливым». Это правда, ответил он, причем чем больше я тренируюсь, тем чаще мне улыбается удача.

И я подозреваю, что когда случай с успешной посадкой самолета в Нью-Йорке называли «чудом», это отражает одну особенность современной культуры – она не хочет замечать, что это событие содержит в себе вызов и властно напоминает о нравственных вопросах. Добродетели *много значат*. Их значение огромно. Великая дверь человеческой природы приоткрывается, давая нам доступ к подлинным тайнам нашей жизни, только в том случае, если она висит на надежных петлях.

**Аристотель говорил
о четырех важнейших
добродетелях.
Это мужество,
справедливость,
мудрость
и умеренность**

Но эти свойства характера мы не можем обрести за один миг: здесь нужна работа. Характер формируется медленно. Мы не в силах заставить кого-то обрести характер, как не в силах вынудить дерево приносить плоды, когда оно к тому не готово. Человек должен снова и снова делать выбор и развивать свои нравственные мышцы и навыки, которые позволят ему обрести цельный характер, приносящий плоды. Если человек годами регулярно тренирует свое тело, он обретает способность делать многое – скажем, бежать в марафоне, проходить по пятьдесят километров за день, поднимать тяжести, – которые ранее казались ему невозможными. Подобным образом продолжительная и регулярная тренировка сильных сторон характера, тренировка добродетелей, позволяет человеку жить таким образом, который когда-то казался совершенно нереальным, а также избегать многих нравственных ловушек и жить настоящей жизнью, приносящей плоды.

**Великая дверь
человеческой природы
приоткрывается,
давая нам доступ
к подлинным тайнам
нашей жизни,
только в том случае,
если она висит
на надежных
петлях**

Отчасти все это объясняется тем, что ты обретаешь способность *автоматически* совершать такие поступки, которые некогда тебе давались с огромным трудом. Как и в случае капитана Салленберджера, некоторые из них становятся твоей второй природой. И это особенно важно в критические моменты, когда у тебя нет времени на размышления, потому что бедствие может обрушиться на тебя в любую секунду.

Авторы Нового Завета вслед за Иисусом в каком-то смысле говорят о том же, о чем говорил Аристотель, но совершенно в ином ключе. Это как трехмерная модель по сравнению с двухмерной – скажем, куб рядом с квадратом или сфера рядом с кругом: Иисус и его ученики использовали трехмерную модель там, где Аристотель применял двухмерную. Когда у тебя есть сфера, ты можешь как бы забыть о круге, круг в ней остается, но он приобретает совершенно иное значение.

Снова рассмотрим те три стадии, о которых мы уже говорили. Каждый раз здесь речь идет о преображении и о том, как его достичь.

1. По мнению Аристотеля, главной целью жизни человека было процветание; так же думали Иисус, Павел и другие христиане. Но картина, которую описывал Иисус, богаче и шире: она включала весь мир и рассматривала людей не как одиночек, работающих над совершенствованием своей нравственности, но как благодарных граждан грядущего Царства Бога.

2. Как считал Аристотель, для достижения истинной цели человеческой жизни следует работать над нравственными качествами, которые он называл добродетелями. Иисус и его первые последователи, включая Павла, в целом думали подобным образом. Но поскольку они по-другому понимали конечную цель, то больше ценили такие качества, которые Аристотель не ставил слишком высоко (любовь, доброту, прощение и так далее), и даже включили в список добродетелей смирение, которое было совершенно неизвестно античному языческому миру (как и миру современного язычества).

3. Аристотель считал, что при правильном развитии характера человек в итоге обретает способность действовать как бы стихийно, поскольку длительная тренировка превратила добродетели в привычки. Иисус и Павел с этим бы согласились, но они предлагали иной путь к обретению нужных привычек. Мы поговорим обо всем этом в свое время.

Вопрос о том, как традиция Аристотеля пересекается и расходится с представлениями о нравственности Иисуса и первых христиан, крайне интересен, и, разумеется, мы рассмотрели далеко не все. Это не основная тема данной книги, и потому сейчас я ограничусь одним замечанием. Если бы мы спросили апостола Павла о том, что он думает об Аристотеле и его учении о добродетелях, я полагаю, что Павел сказал бы примерно то же, что он говорил об иудейском Законе: это достаточно верный указатель, но на самом деле он не позволяет достичь цели, на которую указывает. Это знак на столбе, который показывает более или менее верное направление (хотя и здесь потребуются некоторые уточнения), но не дорога, которая ведет в нужное конкретное место.

Поразительные особенности мозга

Теперь мы оставим мир античных философов и переместимся в мир современных ученых, исследующих человеческий мозг. Когда человек постоянно избирает определенный вид поведения, в его мозгу также происходят определенные физические изменения. Для кого-то эта истина покажется банальностью, но многим она представляется как некий поразительный или даже пугающий феномен. В этой сфере ученым еще предстоит много работать. Наука о мозге пока еще находится в младенческом состоянии. Но уже есть немало данных, которые показывают, что значимые понятия в жизни человека – включая выбор определенного типа поведения – создают новые информационные связи в его мозге. Ученые часто используют метафору «электропроводки» мозга, и эта метафора отчасти справедлива, поскольку, хотя мозг не содержит проводов, информация в нем и в самом деле передается с помощью процессов, имеющих электрическую природу.

Эти новые связи «проводов» образуются постоянно, в соответствии с тем поведением, которое мы выбираем, так что такое поведение становится привычным. Более того – некоторые участки мозга становятся активнее, если какое-то привычное поведение человека основывается на их работе. Так, обучение игре на скрипке развивает не только левую руку (в школе я видел мальчика, левая кисть которого была заметно больше правой благодаря непрерывным занятиям скрипкой на протяжении нескольких лет), но и ту часть мозга, что контролирует работу левой руки. «Эти отделы [мозга], – пишет Джон Медина, автор удивительной книги «Законы мозга», – увеличиваются в объеме, и в них образуются многочисленные перекрестные связи». Этот же автор говорит: «Мозг действует подобно мышцам. Чем больше определенный отдел работает, тем крупнее и сложнее он становится». Более того, он утверждает, что «наш мозг настолько чувствителен к внешним стимулам, что материальная структура его «проводки» зависит от культуры, в которой живет человек». Вследствие этого «обучение изменяет физическое строение мозга, и эти изменения уникальны для каждого человека»¹. Иными словами, когда мы устанавливаем новые взаимосвязи между вещами, наш мозг регистрирует эти взаимосвязи. Садовник знает, что землю, которая была вскопана раньше, в следующий раз вскапывать будет легче; нечто подобное происходит и здесь. Если в мозге однажды устанавливается определенный набор взаимосвязей, особенно если здесь участвуют сильные эмоции или яркие телесные ощущения, как приятные, так и болезненные, в другой ряд эти взаимосвязи устанавливаются легче. Таким образом, современный ученый, исследующий мозг, способен изучать карту устойчивых привычек человека.

Самой известной иллюстрацией этого феномена может служить исследование строения головного мозга лондонских таксистов. Труды Э. Магуай и других ученых открывают нам некоторые удивительные факты². Лондон не просто один из самых огромных городов мира, но и один из самых сложных, где множество улиц с односторонним движением, переулков с их пересечениями, изгибов рек и других подобных вещей, которые невероятно затрудняют движение машин. Прежде чем таксиста допускают к работе, он должен пройти строгий экзамен на умение ориентироваться, для чего ему необходимо запомнить названия нескольких тысяч улиц и иметь представление о том, как до них добраться в то или иное время суток – в зависимости от особенностей движения автомобилей в это время. В результате водители становятся самыми ловкими таксистами во всем мире, которые почти никогда не заглядывают в карты, а кроме того – *в их мозге происходят изменения. У лондонского*

¹ John Medina, *Brain Rules* (Seattle: Pear Press, 2008), 58, 61, 62.

² См. <http://www.pnas.Org/content/97/8/4398.abstract> или http://en.scientific-commons.org/e_a_maguire/

таксиста гиппокамп – часть мозга, отвечающая, среди многого прочего, за пространственное мышление, – обычно намного больше, чем у среднего человека. Как культуристы тренируют такие мышцы, о существовании которых остальные люди никогда и не подозревали, так и таксисты тренируют те мышцы мозга, которые обычные люди используют сравнительно редко.

Насколько я знаю, до сих пор подобные исследования оставались в стороне от нравственных и религиозных вопросов, однако из них мы можем сделать крайне важные выводы. Мы знаем, что некоторые события глубоко врезаются в нашу память. Иногда мы понимаем, что на наше воображение и эмоциональные реакции влияют определенные моменты, когда мы переживали радость или шок, восторг или ужас, яркое наслаждение или сильную боль. Но мысль о том, что не только такие особенные события, но и тысячи мелочей «повседневности» также меняют физическое строение «электропроводки» нашего мозга, способна удивить или даже поразить многих из нас.

Как мне кажется, большинство людей в современном западном мире представляют себе мозг как более или менее нейтральную машину, которую можно настроить тем или иным образом. Веду ли я автомобиль по улицам Лондона или по улицам Эдинбурга, в его структуре ничего не меняется. Но представьте себе автомашину, обладающую памятью, которая запоминает проделанные поездки, так что, когда я двигаюсь в сторону Лондона – что я действительно нередко делаю, – машина настраивается на «поездку в Лондон» и направляет меня на соответствующую дорогу, даже если в *этом* раз я собирался поехать в Бирмингем. Мне пришлось бы больше использовать сознание, чтобы отказаться от маршрута, предложенного машиной, и заставить ее делать то, чего она не ожидала. Подобным образом, если, скажем, я решил сжульничать при уплате налогов, в моем мозге образуются связи, которые позволят мне с большей легкостью пойти на обман, и в другом случае – быть может, использовать ложь в моих отношениях с людьми. Или, допустим, если я решил сдерживать мое раздражение против скучного попутчика в поезде и вместе этого развивать терпение, в мозгу образуются связи, которые помогут мне проявить терпение и в том случае, когда кто-то обрушится на меня с грубыми оскорблениями. Я уже говорил, что эта наука о мозге пока еще только лишь делает первые шаги. Но похоже, что представление о развитии «нравственных мышц», которое подобно развитию обычных мышц у гимнаста, ближе к истине, чем нам кажется.

Можно привести множество примеров из разных сфер жизни, которые иллюстрируют процесс формирования привычек. Обучение игре на музыкальном инструменте – самая простая иллюстрация (представьте себе скрипача, который постоянно использует нервные клетки, отвечающие за работу левой руки). Или можно вспомнить об изучении второго языка (музыку, разумеется, тоже можно в каком-то смысле назвать языком).

Множество людей в мире говорят лишь на одном родном языке. Это единственный освоенный ими язык, причем в процессе его изучения они не думали о том, как они его осваивают. Но даже этот случай может послужить нам примером, поскольку, изучая любой родной язык, мы создаем огромный и крайне сложный комплекс привычек – как психических, так и физических, – который работает самыми разными способами в различных ситуациях.

**Представление
о развитии
«нравственных мышц»,
которое подобно
развитию обычных
мышц у гимнаста,
ближе к истине, чем**

нам кажется

И во многом изучение первого языка сводится к примитивному подражанию. Ребенок слышит речь своих родителей или старших детей и старается ее имитировать. Но даже в довольно раннем возрасте мы можем видеть проявления оригинальности, когда ребенок не просто усваивает навыки речи, но начинает создавать свои собственные, слегка изменяя усвоенные правила. На этом этапе ребенок постоянно усваивает то, что специалисты называют грамматикой – куда входит *морфология* (законы образования слов) и *синтаксис* (как эти слова соединяются в предложении), – и, разумеется, расширяет словарь, где он одновременно движется в двух направлениях, задавая вопросы: «Как называется эта вещь?» и «Что обозначает это слово?» И даже если ребенок страдает серьезной дислексией или необычайным поэтическим даром – а эти две вещи могут иногда совпадать, – у него формируются привычки и определенные связи в мозге, а это значит, что язык стал его второй природой. В подавляющем большинстве разговоров люди не обсуждают вопросы языка, грамматику или словарь. Мы задаемся этими вопросами лишь тогда, когда кто-то использует слово или фразу, которые нам непонятны. Обычно мы совершенно не думаем о словаре, не говоря уже о правилах грамматики. Мы думаем только о предмете разговора.

Изучение родного языка само по себе – это неплохая иллюстрация того, о чем мы говорили. Но нам куда полезнее будет подумать об изучении нового языка, особенно когда это делает взрослый. Такая иллюстрация лучше по двум причинам. Во-первых, здесь мы куда больше пользуемся сознанием. Даже в ультрасовременной лаборатории языка, где для вас имитируют «естественные» условия, в которых вы изучали родную речь, вам приходится *думать* о том, почему слова образуются именно таким образом, почему эти странные неправильные глаголы ведут себя именно так, вопреки нашим ожиданиям, и о других подобных вещах. Вам надо усвоить нюансы, метафоры и акценты, которые делают живой язык столь прекрасным, хотя и трудным для овладения. Вы часто будете делать ошибки, но упорство здесь окупается, потому что мы стремимся к *telos*, к тому, что нас ждет впереди. Если ваш родной язык английский, а вы изучаете немецкий, вам приходится постоянно напоминать себе о том, что глагол должен стоять в конце предложения. И даже если этот язык похож на ваш родной (как это будет, скажем, для итальянца, изучающего испанский), вам все равно придется запомнить множество незнакомых слов. Это требует усилий психики, сознательного стремления освоить эти правила, а также физических усилий (положение языка, зубов, губ, голосовых связок), и в результате тренировка мозга должна привести вас к состоянию, когда вы говорите на иностранном языке без специальных усилий и даже без работы сознания. Именно о подобной сложной работе, как мы увидим, говорили первые христиане, когда они призывали друг друга развивать такой характер, который позволяет предвосхитить новый Божий мир.

К.С. Льюис описывал этот переход к пониманию нового языка (вспоминая о том, как он изучал древнегреческий) такими запоминающимися словами:

Тот, для кого греческое слово живет только в словаре, кто должен непременно подменить это слово словом родного языка, по-гречески не читает – он просто разгадывает головоломку. Сама формулировка «*naus* означает корабль» неверна. И *naus*, и *корабль* нечто значат, но они указывают на разные вещи. За словом *naus* (как и за словами *navis* или *nasa*) кроется образ темного и узкого судна с парусом или гребцами на волнах, и никакое английское слово не указывает на такую картину³.

³ C.S.Lewis, *Surprised by Joy: The Shape of My Early Life* (1955; London: Fontana, 1959), 115.

И здесь второй язык показывает нам, как действует добродетель: она становится второй природой. В итоге, если занятия идут должным образом, вы совершаете переход от изнурительного усилия к совершенно новой «естественности».

Тут мне хочется напомнить об одной важной вещи. Мы можем освоить новый язык, а потом его забыть. В молодости я выучил несколько языков. Один из них, сирийский, с его плавучими звуками и поразительной древней поэтичностью, был для меня источником особого наслаждения. Но после тридцати лет я им не пользовался до того момента, пока мне не стукнуло пятьдесят с небольшим. И вот я открыл сирийскую Библию, чтобы кое-что проверить, – и с горечью понял, что не могу вспомнить даже алфавита. С добродетелью может произойти нечто подобное. Скажем, человек в детстве научился быть по-настоящему щедрым, но суровый мир взрослых вытеснил из его жизни эту привычку. Тогда ему придется потратить немало сил, чтобы освоить этот навык снова. К сожалению, с подобной проблемой постоянно сталкиваются те люди, которые решили жить по-христиански. Если сделать остановку в практике этой жизни – позволить себе забыть о конечной цели, – ты можешь навсегда потерять этот новый язык.

Изучение второго языка служит прекрасной иллюстрацией формирования добродетели и еще по одной причине: вы занимаетесь языком, потому что хотите себя чувствовать «дома» в том месте, где на нем говорят, или, по крайней мере, читать и ценить литературу этой страны (а в случае древних языков – литературу того времени). Таким образом, изучая язык, мы стремимся к определенной цели – мы хотим сформировать такие привычки мозга и тела, которые позволят нам стать уже здесь и сейчас компетентными в сфере языка гражданами этой страны. Мы хотим легко говорить на ином языке. Самую большую радость человек, изучивший другой язык, чувствует тогда, когда его по ошибке принимают за местного жителя в чужой стране. Это снова «награда» за труд – и не внешняя награда, как в случае ребенка, которому купили велосипед за успешную сдачу экзаменов, но награда, составляющая подлинный *telos*, подлинную цель наших усилий.

**Мы можем освоить
новый язык, а потом его
забыть. С добродетелью
может произойти нечто
подобное. Скажем, человек
в детстве научился быть
по-настоящему щедрым,
но суровый мир взрослых
вытеснил из его жизни
эту привычку. Тогда ему
придется потратить немало
сил, чтобы освоить этот
навык снова**

Именно так Аристотель понимал смысл формирования добродетелей, именно это – если мы только усвоим, чем Аристотель отличается от Иисуса! – происходит в жизни христианина. Как мы уже говорили, Аристотель называл цель словом *eudaimonia*, процветание. Добродетели – четыре «кардинальные» добродетели и другие, которые висят на этих «петлях», – можно назвать грамматикой и словарем языка «процветания» человека. Ни для кого из людей этот язык не родной. Но иногда мы можем на миг увидеть эту иную страну и можем хотя бы отчасти понять, как работает этот язык, какие привычки ума и тела нам следует развивать, чтобы стать гражданами этой страны, умеющими говорить на местном языке. И чем больше мы занимаемся этим языком – иными словами, чем больше мы учимся действо-

вать с мужеством, умеренностью, мудростью и справедливостью, – тем ближе мы к образу жизни человека, который «процветает» в подлинном смысле этого слова. Кто знает, может быть, однажды меня примут за местного жителя той страны? Если формирование подобно изучению иностранного языка, оно также похоже на развитие вкуса или на обучение игре на музыкальном инструменте. Прежде всего, ни один из этих навыков не появляется у нас «естественным образом». Но если ты над ними трудишься, они становятся все более и более «естественными», пока не станут характером, после чего ты обретаешь долгожданную свободу – можешь непринужденно говорить, обладаешь изысканным вкусом или легко исполняешь музыку.

**Чем больше мы учимся
действовать с мужеством,
умеренностью, мудростью
и справедливостью, —
тем ближе мы к образу
жизни человека,
который «процветает»
в подлинном смысле
этого слова**

Если именно таково формирование «характера» и «добродетели», то как они вписываются в рамки двух представлений о нравственности, которые сегодня присущи большинству людей Запада?

Что стоит за правилами, по которым мы должны жить

Вернемся к спору – быть может, к несостоявшемуся спору – между Дженни и Филиппом. Дженни считает, что надо верно определить правила и следовать им; Филипп думает, что важнее всего открыть, «кто я есть» и быть верным себе (ведь Иисус принимал любого человека без исключений). Две эти позиции в большей или меньшей степени соответствуют двум представлениям о нравственности, между которыми современному человеку приходится делать выбор – хотя бы косвенным образом. Оппоненты с легкостью могут высмеивать противоположную точку зрения, и во времена нравственной неопределенности во многих сферах нам следует с уважением относиться к сопутствующей этому тревоге наших современников. Тем не менее нам следует разобраться с этими двумя представлениями. Если, как я это понимаю, формирование характера и превращение добродетели в привычку позволяют нам лучше понять наши моральные дилеммы, нам надо понять, в чем заключается спор между сторонниками двух подходов к нравственности.

Начнем с правил поведения. Многие люди моего поколения получили в детстве представление о том, что существует правильное и неправильное, что эти вещи достаточно универсальны и устойчивы и что их следует знать и поступать соответствующим образом. В самом деле, нам это вдолбили в головы. (Интересное выражение, не правда ли? Что вы себе представляете, когда слышите эти слова? Как кто-то долбит кусок дерева? Или «долбежку» взвода солдат, которых хотят научить выполнять приказы автоматически?) Иногда эти правила довольно просты, но глубоки, если их применять на практике, например: «поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой» или «люди важнее вещей».

Во многих культурах эти правила включают в себя запрет на убийство, воровство и прелюбодеяние – либо (если говорить позитивно) внушают уважение к жизни, собственности и браку. Многие человеческие сообщества большую часть времени придерживались этих простых правил, которые со временем могли превратиться в писанные законы. Все мы знаем такой пример этих законов, как Десять заповедей, но этот пример далеко не единственный. Многие из нас усвоили не только Десять заповедей, но и многочисленные их производные, так что (и это может породить путаницу в голове ребенка) запреты красть, убивать, лгать и тому подобные смешиваются у нас с не менее важными «заповедями»: веди себя за столом надлежащим образом, говори «спасибо», будь вежливым со старенькой тетушкой, правильно произноси слова, не входи в комнату в грязных ботинках и тому подобное. Но важно, что многие из нас выросли в мире правил, в упорядоченном обществе, где эти правила действовали и где – хотя отдельные частности можно было ставить под сомнение – если ты их усваивал, ты вел себя правильно, а если не усваивал, с тобою не все в порядке. Каждый чувствовал себя обязанным соблюдать эти правила, даже если ему это не было выгодно. И люди часто думали или молчаливо предполагали, что Иисус пришел именно для того, чтобы уточнить эти правила и показать нам удивительный пример их выполнения...

...И это сразу создавало проблемы, поскольку люди могли убедиться в том, что они *не в состоянии* соблюдать такие правила, и это порождало новые настроения ума: Иисус пришел даровать прощение нам, нарушителям правил, но как только мы это поймем, нам надо снова стараться *выполнять* их. Сегодня в западном мире многие люди мыслят о Благой вести Иисуса Христа именно в таких рамках.

**Нам нужно стараться
выполнять правила, которые
были нам даны, но мы
их нарушали, пока Иисус
не простил нас. Сегодня**

**многие мыслят о Благой
вести Иисуса Христа
именно в таких рамках.
Однако эти рамки дал нам
не Иисус и Евангелия,
но одно философское
направление**

Однако на самом деле эти рамки дал нам не Иисус и Евангелия, но одно философское направление. Специалисты скажут нам, что эти нынешние умонастроения тесно связаны с трудами мыслителя XVIII века Иммануила Канта. Если люди знали правила, но их нарушали, они могли положиться на Благоую весть о Божьем прощении – однако после этого им следовало вернуться к соблюдению правил, потому что добрые христиане должны их хранить. Люди ломали головы над тем, как соединить эти противоречивые вещи: как можно говорить о правилах, не забывая при этом о Божьем милосердии и благодати прощения. Но в целом люди предполагали, что христианин должен знать эти правила и изо всех сил стремиться их выполнять. И, разумеется, в каком-то смысле это представление недалеко от истины. Никто не думал, что христианское поведение – или даже человеческое поведение вообще – составляет исключительно предмет личного выбора, так что здесь нет никакого общего ориентира. По иронии судьбы, люди, которые презрительно относятся к старым правилам, скажем, к правилам сексуального поведения, часто горячее всех настаивают на соблюдении новых правил, например связанных с заботой о нашей планете и экологией. И во многих сферах жизни мы опираемся на общепризнанные правила – скажем, о том, по какой стороне дороги должна ехать машина. Мы не можем с легкостью противопоставить «добродетель» или «характер» «соблюдению правил». Когда капитан Салленберджер стремительно принял решение о посадке на реке Гудзон, он на самом деле инстинктивно поступил именно так, как ему бы посоветовали поступить соответствующие инструкции, хотя на изучение их у него тогда не было времени.

Как я думаю, главная проблема заключается не в самих правилах (хотя и они порождают иные проблемы), но в мышлении, основанном на соблюдении правил, – то есть не в том, «что делать», но в том, «как делать». Начиная с середины XX века в Западной Европе и Северной Америке представление об «обязанностях» начало вызывать у многих людей чувство протеста. Можно предположить, что за этим стоит протест двух поколений людей, которым говорили, что они «обязаны» умирать на войне. В результате многие забыли об универсальном значении правил, которые строят надежные рамки и помогают ориентироваться в тысячах аспектов повседневной жизни, и стали воспринимать сами эти правила как проблему: правила мешают нам жить так, как мы хотим, и вынуждают людей вести себя не так, как им свойственно. Это, разумеется, неверное понимание самой идеи «правил», но, я думаю, это отражает умонастроение многих людей в современном мире, включая западных христиан. И недостаточно, как то пыталась сделать Дженни из предыдущей главы, просто напомнить людям, что нужные правила существуют и их необходимо выполнять, нравится вам это или нет. Нам нужно найти более широкие рамки, в которых нужные правила выполняют свою важную, хотя в итоге и подчиненную роль. И мы должны понимать, что, делая это в контексте современной западной культуры, мы будем двигаться против сильного ветра.

С подобной проблемой мы столкнемся сегодня, если начнем более общий разговор о «принципах» или «ценностях». На самом деле это две разные вещи. Принцип – это общее представление о надлежащем порядке вещей, из которого следуют отдельные конкретные правила; ценность – это какой-то аспект жизни человека, который важен сам по себе и на основании которого можно создавать принципы и правила. Допустим, вы *утверждаете* ценность человеческой жизни. Вы *действуете* на основании принципа – согласно которому

надо всегда («принципиально», как мы говорим) поддерживать жизнь и не допускать ее прерывания. Вы *соблюдаете* правило – «не убий». Но, конечно, в повседневной жизни люди пользуются этими словами куда более расплывчато, почти как синонимами. И я подозреваю, что некоторые говорят о «ценностях» и «принципах» отчасти потому, что «правила» для многих кажутся чем-то крайне неприятным, поработавшим, насильственным или даже случайным. Люди понимают, что нам надо достичь каких-то утраченных «стандартов». Но разговор о «правилах» рискует оттолкнуть слушателей, и потому вместо этого они предпочитают говорить о «принципах» и «ценностях».

Быть может, нам также стоит задуматься о *христианских* «принципах» и «ценностях»? Ведь не так сложно выделить важнейшие общие темы из Нового Завета и писаний первых поколений христиан: нам легко приходят в голову такие темы, как мир, справедливость, свобода, любовь и некоторые другие. Но каково точное значение этих абстрактных и богатых смысловыми оттенками слов? Кто может об этом судить? Как мы можем их приложить к конкретным ситуациям? Вправе ли мы, выделив эти темы из конкретных мест Писания и исторического контекста, противопоставлять их другим аспектам того же Писания? И если да, то на что нам следует опираться? А если нет, то зачем вообще нам понадобилось их выделять? Принципы и ценности важны на своем месте, но это не самые важные вещи. По существу эти Великие правила порождают те же самые проблемы, что и повседневные маленькие правила. Когда политики призывают нас, как они это нередко делают, восстановить ценности в обществе, они обычно говорят крайне расплывчато. Чьи это ценности? Кто вправе о них судить? Как мы собираемся их восстанавливать, не решив другой вопрос: если эти ценности настолько важны, почему люди не придают им значения? Некоторые люди говорят даже о «христианских ценностях» или «иудео-христианских ценностях», хотя эти ценности крайне трудно сформулировать и уж тем более применять в жизни общества. А если ты придержишься принципа «наибольшее счастье для наибольшего числа людей» – этот принцип, который называют утилитаризмом, пользовался огромной популярностью на протяжении последних двух столетий, – ты столкнешься с самыми разными интересными вопросами: что такое подлинное счастье, что делать, если другие люди неверно его себе представляют, как определить пути к достижению счастья и что нам делать с меньшинством людей, которые не желают счастливо мириться с мерами, необходимыми для достижения счастья. Утилитаризм заслуживает отдельного обсуждения, но мы ограничимся этим кратким замечанием.

Самая большая проблема с правилами заключается не в том, что мы их слишком часто не соблюдаем, хотя это и правда. И не в том, что мы натываемся на исключения из правил: скажем, если мы стремимся говорить правду, что мы скажем потенциальному убийце, который спросит нас, где прячется его жертва? И эта проблема не в том, что наборы правил в разных культурах расходятся: где-то ты связан обязательством убить человека, изнасиловавшего твою дочь, а где-то ты обязан этого *не* делать. Да, это тоже реальные проблемы. Но главная проблема заключается не в этом.

Настоящая проблема состоит в том, что правила всегда кажутся нам принуждением, и именно для принуждения они и предназначены. Но в глубине нашего существа мы знаем, что быть человеком значит творить, радоваться жизни, красоте и любви и смеяться. Законы не могут дать нам все это. Правила важны, но их нельзя ставить в центр всего. Вы можете сказать людям, что надо, повинаясь правилу, всегда проявлять щедрость. Но когда кто-то дарит вам подарок просто потому, что он повинуется правилу или чувству долга, вся красота щедрости моментально испаряется. Если нет ничего важнее правил, мы теряем нечто *действительно* важное. Какое место тогда бы занимал *характер*?

Когда я редактировал эту главу, я наткнулся на яркую иллюстрацию этой проблемы. Выяснилось, что один чиновник, занимавший ответственный пост в правительстве, посылал

сообщения коллеге с предложением развязать грязную и лживую кампанию против руководителей оппозиции. В ответ на это премьер-министр сказал, что будут введены новые правила, которые предотвратят подобные явления, – хотя на самом деле здесь существуют жесткие правила, которые высокопоставленный чиновник нарушил самым вопиющим образом. Лидер оппозиции предложил нечто противоположное: по его мнению, надо изменить культуру. Правда, он не сказал, каким образом это следует осуществить.

**Когда кто-то дарит вам
подарок просто потому,
что он повинется
правилу или чувству долга,
вся красота щедрости
моментально испаряется**

Другой пример я взял из недавнего прошлого. Время от времени я все еще встречаю человека, который был директором школы, когда я там учился подростком. И он рассказал мне, что когда в середине 1950-х он только занял должность директора, один из сотрудников школьной администрации поставил его в сложное положение. Прежний директор, сказал администратор, практически каждый день вводил какое-нибудь новое правило. Почему новый директор не следует этой традиции? Разве он не должен следить за поведением в школе? Чтобы выиграть время для размышлений, директор быстро подумал и создал новое правило: «Ни при каких обстоятельствах ученик не должен...» и т. д. Но после этого случая он уже никогда не вводил новых правил. Разумеется, правила существовали и они были важны. Но еще важнее было другое – формирование характера учеников, которое позволило бы им поступать разумно и осмотрительно в тысяче ситуаций, *не* предусмотренных официальными правилами.

На самом деле, вопросы морали или этики – это часть более широкого вопроса: *для чего* существуют люди? Если мы отвечаем на этот вопрос с точки зрения правил, человеческая жизнь становится чем-то вроде непрерывной подготовки к великому экзамену, успешная сдача которого позволяет тебе получить хорошую работу, или стипендию, или что-то еще. Но правда ли это, что человеческая жизнь – это постоянная подготовка к экзамену, где ставят отметки? Неужели самое главное здесь – «не провалиться» благодаря соблюдению самых трудных правил (преимущественно запретов)? Или же правила – это просто указатели, которые напоминают нам о существовании более важной цели и о том, что мы рискуем пойти не в ту сторону? Но если это так, в чем же заключается та важнейшая цель и как ее отыскать? А кроме того, это порождает бесконечные вопросы, которые обсуждали и обсуждают христиане, о том, как поведение человека в целом соотносится с безграничной благодатью Бога.

Похоже, мы найдем ответ на этот вопрос в сцене разговора богатого юноши с Иисусом и в других эпизодах десятой главы Евангелия от Марка. Нет, говорит Евангелие, исполнение набора правил не слишком важно, куда важнее характер. И это не любой знакомый тип характера, но особый его тип – тот, о котором говорил Иисус и который он показал в своей жизни. Это терпение, смирение и, прежде всего, щедрая самоотдача любви. И, как можно понять, Марк говорит, что такой характер формируется не в процессе тренировки. Его обретает тот, кто следует за Иисусом.

Опасный «путь к себе»

Похоже, правила важны, однако характер еще важнее – именно он создает такие условия, где правила, когда они нужны, оказывают надлежащее действие. Но в течение двух последних столетий люди понимали Иисуса и христианство совершенно в ином ключе.

Если вы спросите обычного западного человека, в том числе христианина, о том, как Иисус понимал проблему поведения человека, вы вряд ли услышите ответ о тонком равновесии между характером и правилами. Да, скажут вам, Иисус обличал законников, которые гордились своей праведностью и пытались навязать свою мораль окружающим. Но, говоря это, люди обычно не думают, что вместо этого Иисус предлагал формировать характер, но скорее они скажут, что он предложил людям радикальную свободу. Многие христиане сегодня занимают ту же позицию, что и Филипп в предыдущей главе книги: Иисус принимал людей такими, какие они есть, и призывал их искать свое подлинное «Я» и быть верными самим себе. Он хотел, чтобы люди вынесли старые правила на свалку и начали жить спонтанно и аутентично в свободе духа, а не в рабстве буквы. Эти представления настолько глубоко проникли в мышление всего западного мира и западной церкви, что вам стоит только намекнуть – и перед вами открывается вся картина, которую люди по умолчанию и без размышлений считают верной.

Эти представления настолько значимы, что нам стоит разобрать их подробнее. Если, как я думаю, Новый Завет призывает нас идти путем добродетелей, нам нужно яснее понять альтернативную точку зрения, которая сегодня является одним из самых сильных его соперников. Как это часто бывает с соперниками, эта точка зрения представляет собой пародию, карикатуру на реальность.

На протяжении двух последних столетий в западной мысли существовало три влиятельных направления, которые заставили людей отвернуться от идеи добродетели как от чего-то привлекательного или осуществимого. Вероятно, большинство людей не знает об этих трех исторических и культурных влияниях, они просто впитали соответствующие представления от окружающей культуры – созданной этими силами, – хотя Иисус и его первые последователи никак не могли бы с ними согласиться.

Что же это за три направления мысли? Приведем их краткое и достаточно общее описание. Для нас важнее понять, как они влияют на воображение современного человека, чем узнать подробности их происхождения и развития.

1. Движение романтизма в XIX веке было реакцией на холодный и рациональный формализм (вот правила; соблюдай их; таков твой долг; не задавай лишних вопросов). Романтики заговорили о значимости внутренних чувств и основанных на них поступков. По словам одного современного автора, они стояли за «спонтанность, свободу от ограничений, субъективность, воображение, эмоциональность, а также за вдохновение и героизм» и не желали, чтобы им что-то навязывали извне другие люди либо философские или политические системы⁴. Нам не нужны системы, нам нужна жизнь, любовь и горячие души!

2. Экзистенциализм начала XX века подчеркивал значимость «аутентичности». Жить аутентично, говорили экзистенциалисты, означает принять опасное и трудное решение отказаться от структур и систем, которые ограничивают и подавляют человеческую свободу, и начать жить в соответствии со своим подлинным «Я». Это дорога к полноте жизни, к реализации своего потенциала.

⁴ Simon Blackburn, *Oxford Dictionary of Philosophy*, 2nd ed., rev. (1994; Oxford: Oxford University Press, 2008), 319.

3. Эмотивизм, дитя романтизма и экзистенциализма, обретшее сильное влияние на умы, утверждает, что нравственный дискурс в любом случае можно свести к категории «нравится – не нравится». «Убивать неправильно» здесь просто означает «я не люблю убийства». «Тратить деньги на милосердие хорошо» значит «мне нравится, когда люди жертвуют деньги на добрые дела». С этой точки зрения следовать нравственным правилам и следовать собственным желаниям – это практически одно и то же. Сегодня, рассуждая о нравственных вопросах, люди часто говорят, что этот человек «предпочитает» такой-то подход, а другой «одобряет» иной путь, как будто бы нравственный выбор – это дело человеческих склонностей или вкусов. Иногда они говорят о «нравственных установках», как если бы представления человека о том, хорошо или дурно такое-то действие, были просто его «установкой», врожденным предрассудком, который не стоит того, чтобы о нем размышлять.

Каждое из этих трех направлений – а в популярной культуре романтизм, экзистенциализм и эмотивизм тесно переплетаются между собой, порождая запутанный мир впечатлений и риторики, – в принципе питает одно и то же определенное представление об учении Иисуса и христианской жизни. Многие люди, не особенно задумываясь, занимают именно такую позицию. Будь собой; не позволяй никому ставить тебе условия; системы, созданные другими людьми, или твои страхи не должны мешать тебе жить так, как ты хочешь; будь честным по отношению к твоим подлинным чувствам и желаниям. Будь в контакте со своим подлинным «Я», которое ты открываешь; дружи с ним и будь ему верен. Любые другие пути в жизни только ослабят твоё истинное, уникальное и неповторимое «Я».

Такого рода мышление глубоко проникло в наш мир, его можно встретить и во многих церквях. Некоторые люди ошибочно принимают его за саму Благую весть, полагая, что отказ от правил, свойственный романтикам и экзистенциалистам, равноценен доктрине Павла об «оправдании верой, а не делами Закона» или что Иисус, обличая законничество фарисеев, имел в виду то же самое.

Шекспир выразил все это в классической речи Полония – героя, который представлен в «Гамлете» несколько поверхностным и хвастливым человеком (а если сказать точнее – «несносным старым дураком»):

Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим.

Гамлет, акт 1, сцена 3⁵

Гм... Если ты верен себе в подлинном смысле слова, ты, несомненно, найдешь у себя множество скрытых мотивов, о которых не подозревают окружающие, и это, вероятно, поможет тебе лучше принимать решения, в том числе нравственные. Но что делать, если то истинное «Я», которому ты должен быть верен, хочет обмануть всех людей, которых ты встречаешь, включая друзей и родных, чтобы выманить у них как можно больше денег? Некоторые закоренелые мошенники, дела которых получили огласку после финансового кризиса, были в полной мере верны себе и в полной мере неверны всем остальным.

Вы можете на это возразить: «Банкиры-мошенники *на самом деле* не были верны себе, потому что в глубине души они понимали, что поступают плохо». Я бы ответил, что именно в этом и заключается проблема позднего модерна и постмодерна: стремление увеличить количество денег на своем счету (или на счету твоей компании) для многих людей становится самым глубоким и подлинным стремлением изо всех, что они могут себе представить. Как

⁵ Перевод М. Лозинского.

только ты упраздняешь или ограничиваешь старые и не столь гибкие представления о нравственности, что у тебя остается?

Я нашел прекрасное выражение нынешней популярной философии верности себе в Калифорнии после лекции по одной из моих книг в конце февраля 2009 года. В одном магазинчике в Лагуна-Бич я увидел наклейку с такой шутливой надписью:

Порой я думаю, что действую из принципа,
Но чаще просто делаю то, что мне приятно,
Хотя и это тоже принцип.

«Делаю то, что мне приятно» – легко посмеяться над таким типично калифорнийским подходом к жизни, однако не следует забывать о том, что слишком многое в жизни современного западного человека строится на основе именно такого «принципа» и всякая попытка поставить его под сомнение вызывает сильный протест как покушение на «свободу». Это была Калифорния и популярная культура, а теперь мы поговорим о величайшем мыслителе XX века богослове Райнхольде Нибуре. Вот что Артур Шлезингер писал о влиянии этого богослова на его поколение и о том, как Нибур потерял популярность в 1960-х:

[Нибур] слишком много говорил о грехе, и это пугало мое поколение. Мы с детства привыкли верить в невинность и доброту людей. Вера в способность человека совершенствоваться в добродетелях – это скорее не либеральная иллюзия, но глубинное убеждение всех американцев... Но ничто в нашем обществе не готовило нас к размышлениям о Гитлере и Сталине, о лагерях смерти и ГУЛАГе.

Где-то в 1960-х Нибур потерял свое былое влияние. Бунтующая молодежь этих буйных лет с ее наивной верой в то, что любые спонтанные проявления прекрасны и что сложнейшие проблемы можно решить быстро, не интересовалась Нибуrom⁶.

«Наивная вера в то, что любые спонтанные проявления прекрасны» – эта фраза хорошо описывает умонастроение, которое стало и остается популярным в западном мире. Надо заметить, что «добродетели», о которых говорится в приведенной цитате, вряд ли имеют тот же смысл, что и в классической традиции. Шлезингер ясно показывает, что в Америке периода его юности, как и 1960-х, никого не интересовала добродетель как *вторая* природа, дающаяся долгим трудом, – достаточно «вести себя естественно», то есть достаточно «первой» природы. И отказ от «естественности», от «проявлений спонтанности», которые всегда прекрасны, казался чем-то неверным и опасным, чем-то вредным для здоровья и благополучия человека. Представление о цели, о конечном пункте назначения, ради которого нужно отвергнуть себя, – другими словами, то, о чем говорил Иисус из Назарета, призывая слушателей взять свой крест и последовать за ним! – было тихо забыто, причем не только в западном секулярном обществе, но также в значительной степени среди христиан.

Есть и еще одно не столь очевидное, но потому более опасное явление – этому умонастроению обычно сопутствует такой элемент античной и современной культур, который в широком смысле называют «гнозис» или «гностицизм». В целом это идея о том, что внутри нас – или, по меньшей мере, внутри некоторых из нас – скрыта искра света. Такая сокровенная искра, как принято думать, часто не видна, потому что ее заслоняют социальные условности, влияние культуры или даже наши ложные представления о том, кто мы такие на самом деле.

⁶ Из предисловия к новому изданию книги Charles C. Brown, *Niehuhr and His Age: Reinbold Niehuhr's Prophetic Role and Legacy* (1992; Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2002), VIII–IX.

Но открыв в себе этот свет, человек должен понять, что он важнее всего остального, что он выше любого правила, дороже обычного человеческого счастья и, разумеется, стоит выше любой добродетели (в классическом смысле слова или в каком-либо еще). Правда находится в глубине нас самих, ее нужно только открыть. Мое сердце говорит мне об этой правде, и мне надо следовать зову сердца. Это «путеводный свет», сияющий в самом центре моего подлинного «Я». *Именно этот свет, как искренне верят многие люди в сегодняшнем мире, пришел показать нам Иисус из Назарета.* Об этом говорят не только авторы многочисленных популярных книг вроде «Кода да Винчи» и подобных, но и немалое число серьезных писателей и ученых. В конце концов, многие люди желают услышать именно такую весть.

**Есть еще одно очень
опасное явление —
это гностическое
представление о том,
что внутри нас скрыта
искра света**

Такого рода философия в ее коллективном варианте владела многими умами в нашем мире. Скажем, неспроста великая интеллектуальная и культурная революция второй половины XVIII века называлась «Просвещение». Западная Европа и Северная Америка открыли «свое подлинное «Я». Они почувствовали себя особой породой людей, обладающей новыми знаниями, навыками и технологиями, которые позволяли покорять менее «просвещенные» народы. Более того, они чувствовали *необходимость* использовать эти средства именно для покорения остальных.

Сейчас мы не будем углубляться в эту тему (любопытно, что Артур Шлезингер переходит именно к ней сразу после того отрывка, что я привел выше). Для нас важно, что индивидуальная версия гностицизма глубоко укоренилась в нас за последние два столетия, так что люди предполагают (я хотел написать «думают», но я подозреваю, что большинство людей не *думает*, а просто *предполагает*), что «верность себе» – главная заповедь для человека, основной (даже) «религиозный» императив, важнейшая цель и задача нашей жизни, Священный Грааль нашего роста и развития. Именно так сегодня думают о мире и о себе миллионы людей.

Это можно проиллюстрировать на массе примеров. Поэту Джону Бечемени не повезло – его отец успешно вел семейный бизнес, думая, что сын пойдет по его стопам. Или, быть может, нам следует сказать иначе: старику Бечемени не повезло – у него был сын, который решительно не хотел становиться бизнесменом, но страстно желал посвятить себя поэзии. К счастью, молодой человек предпочел быть «верным себе» – по крайней мере, в этом вопросе. К сожалению, как то показывают его искренние размышления о себе, в его частной жизни то истинное «Я», которому он стремился хранить верность, было слишком хаотичным. Он следовал различным капризам своего «Я», и это приводило к многочисленным нравственным и человеческим катастрофам. Кратко говоря, такова проблема романтизма, экзистенциализма, эмотивизма и неогностицизма.

Человек – глубоко загадочное существо, и потому подобные вещи не должны нас удивлять. Древняя максима греков «познай себя» была и остается ценным советом. Но вопрос о том, что делать с этим познанием, куда более сложен. Что если такое «Я», открывающееся мне при углубленном размышлении, желает убивать, красть или насиловать детей? Какие из моих сокровенных желаний я должен узнать для того, чтобы их сдерживать или (если это в моих силах) убить, а какие надо вынести на свет, чтобы им радоваться и открыто их выражать? Тот факт, что они глубоко сокрыты во мне, сам по себе не дает нам ответа на этот вопрос.

**«Быть верным себе»
очень часто означает
«следовать различным
капризам своего «Я»**

Когда мы коснемся спорной темы «свободы», ситуация станет еще сложнее. Сегодня, когда человек говорит: «Разве мы не созданы для свободы?» – он обычно подразумевает: «Неужели ты хочешь сказать, что я не вправе делать то, что хочу?» Это порождает новые вопросы. И дело не только в том, что свобода моего кулака кончается там, где начинается свобода носа другого человека. Дело в том, что каждый мой поступок создает новые ситуации, которые могут серьезно ограничивать свободу во всех направлениях. Если я действительно ударю кого-то по носу, мы оба потеряем свободу отношений друг с другом (и, возможно, с кем-то еще), которой обладали раньше. Если все четверо участников квартета не будут строго следовать правилам относительно ритма и тональности, ни один из них не будет свободен играть музыку.

Все это свидетельствует о том, что такие крайне популярные в нашей культуре понятия, как «аутентичность» или «спонтанность» – вместе со «свободой», понимаемой в таком ключе, – просто не способны быть надежными критериями для решения нравственных вопросов (или просто для выбора определенной программы действий, которые прямо не затрагивают нравственных вопросов). «Измеришь раз – будешь резать дважды», – такое правило я выучил на уроках плотницкого дела, сделав вывод, что лучше измерить дважды, а резать один раз. Не стоит предполагать, что первое впечатление и спонтанные желания непременно верны. Нам не стоит бояться «естественности», но следует подвергать ее такой же критической оценке, как и все прочее в нашей жизни – или в поведении другого человека.

А в частности, нам надо понять (и говорить об этом вслух) полную несостоятельность идеи о том, что спонтанность поступка несет в себе его оправдание, а если что-то делается на основе правил, долгого размышления или в условиях, когда человеку приходится преодолевать великое искушение поступить как-то иначе, – это нечто менее ценное или даже признак «лицемерия», поскольку здесь вы не были «верны себе». Это старинная ошибка романтиков, которые считали, что вдохновение в подлинном творчестве не требует труда, – возможно, здесь романтики отчасти позаимствовали пафос у Мартина Лютера, который отвергал так называемое средневековое лицемерие. Девяносто девять процентов творческих людей – музыкантов, писателей, танцоров, художников и так далее – скажут вам, что это совершенно неверно. Искусство, как правило, требует крайне напряженной работы; то же самое можно сказать о нравственной жизни. Тот факт, что Вордсворт и Кольридж могли рожать стихи на ходу (а Кольридж в буквальном смысле слова делал это и во сне) представляет собой лишь исключение, подтверждающее правило.

И тем не менее... В спонтанности, в аутентичности, в тех моментах, когда человек полностью соответствует своим поступкам, есть нечто такое, что как бы оправдывает эти действия, – но в том и *только в том случае*, когда эти действия, на основании иных критериев, можно назвать правильными. Несомненно, есть какая-то «аутентичность» и «соответствие внутреннему внешнему» и у скряги, когда тот считает деньги, и у соблазнителя, когда тот смотрит на очередную девушку, но никто в здравом уме не скажет: «Это значит, что они поступают правильно». Проблема аутентичности отчасти состоит в том, что не только добродетели становятся привычкой: чем чаще кто-то своим поведением причиняет вред себе и другим, тем более «естественным» это поведение кажется и на самом деле становится. Предоставленная самой себе спонтанность может вначале помогать человеку находить оправдание своим дурным поступкам, а в итоге может научить его любить порок.

Одна из важных идей данной книги заключается в том, что такое соответствие внутренних переживаний и внешних действий, такую аутентичность можно обрести с помощью «второй природы» добродетелей – что изначально решает те проблемы, о которых мы только что говорили. Этика романтизма или экзистенциализма, в которой именно аутентичность или (понимаемая в таком ключе) свобода является единственным реальным признаком подлинной человечности, как и описанная выше популярная версия подобных представлений, *стремится получить в самом начале, не заплатив за это нужной цены, то, что добродетель предлагает дать нам далее, на пути, причем это стоит усилий нравственной мысли, решений и труда.* Вот что я имел в виду, говоря, что культ аутентичности и спонтанности представляет собой пародию, карикатуру на то, что дает добродетель, когда она действует в полную силу.

**Подлинно «хорошая»
жизнь человека —
это жизнь характера,
сформированного
будущим, которое
обещал нам дать Бог**

Таким образом, «верность себе» важна, но это не самая значимая вещь. Если сделать ее отправной точкой или главным принципом, она нас серьезно подведет. Всем подобным идеям, которые, полагаю, активно влияют на мышление и поведение многих из моих читателей, нам безотлагательно нужно противопоставить ту картину, что дает нам Новый Завет, который говорит, что подлинно «хорошая» жизнь человека – это жизнь *характера, сформированного будущим, которое обещал нам дать Бог*, это жизнь сформированного будущим характера, *проживаемая в рамках продолжающейся истории Божьего народа.* И среди прочего это дает нам свежий взгляд на добродетель. Вот что нам нужно, если мы хотим ответить на вопрос, что случается после прихода к вере.

Великий дар Бога

Нам сложно вернуться в христианском контексте к идее добродетели, к идее развития характера, и еще по одной причине. Только что я мимоходом указывал на эту причину. В целом само представление о добродетели в западном христианстве резко утратило свою популярность в XVI веке после возникновения Реформации.

Само упоминание о добродетели может вызвать у многих христиан опасение. Их научили – и совершенно справедливо, – что мы оправдываемся не делами, а исключительно верой. Они знают, что сами по себе не в состоянии жить по высоким стандартам нравственности. Очень часто они старались изо всех сил, и у них ничего не вышло. Они только острее чувствовали свою вину. (А в иных случаях христиане считали эти требования слишком суровыми и просто оставили всякие попытки им соответствовать.) И вот они узнали, что Бог принимает их такими, какие они есть: «Христос умер за нас, – пишет апостол Павел, – когда мы были еще грешниками» (Рим 5:8). Вдох облегчения. Зачем тогда нам мучиться над вопросами нравственности? Не проще ли нам забыть о добродетели, заповедях и всем прочем и просто радоваться любви Бога, который нас принимает и прощает?

Поэтому христиане, особенно западной протестантской традиции, могли бы поставить под сомнение эту тему, спросив: «Не сотрясаем ли мы впустую воздух, ведя все эти долгие разговоры о добродетели? Да, возможно, пилотам и кому-то еще нужно отрабатывать профессиональные навыки и умение хранить трезвый ум, но это имеет чисто прагматическое значение – для выполнения конкретной задачи людям нужны определенные способности. Но имеет ли это хоть какое-то отношение к серьезному делу, которым мы занимаемся, когда стремимся жить так, как того хочет Бог? Может ли это углубить наше понимание христианской нравственности или этики? Если мы не в силах выполнять даже Десять заповедей Божьих, что нового дадут нам эти добродетели, которые формируют характер? И если развитие характера – медленный и долгий процесс, не значит ли это, что большую часть времени мы будем вести себя, как лицемеры, изображая добродетель, делая вид, что мы ею обладаем, хотя это не так? Разве такого рода лицемерие не противоположно тому, чего требует подлинная христианская жизнь?»

Фактически это более или менее соответствует тому, что говорил Лютер по поводу многовековой средневековой традиции, ценившей добродетель. Отголоски споров об этом, а также и о других богословских положениях предшественников Лютера, которые тот яростно отвергал, долго продолжали звучать в популярной культуре – в частности, как это ни удивительно, в пьесе Шекспира «Гамлет», к которой мы уже обращались по другому поводу.

Гамлет возвратился в родную Данию после обучения в Виттенберге, университете Лютера. И дома он обнаружил – и это, несомненно, противоречило тому, чему его учили, – что его умерший отец не лежит безмолвно в могиле, но пребывает в беспокойстве, и потому Гамлет должен исправить положение вещей. Королева, мать Гамлета, вступила в заговор с его дядей, чтобы, убив отца, злодей мог заполучить и трон, и королеву. В четвертой сцене третьего акта Гамлет тонко обвиняет свою мать: его слова предполагают, что королева решила не беспокоиться насчет добродетели и относиться к ней просто как к лицемерию, чтобы следовать своим естественным желаниям – что она и продолжает делать каждый раз, когда делит ложе с узурпатором. Твой поступок, говорит Гамлет, «называет добродетель лицемерием»; другими словами, королева пользуется риторикой Лютера: не стоит «надевать на себя» добродетель, если ты ее не имеешь, а потому она вольна делать то, что хочет. Не надо притворяться, что обладаешь добродетелью, если ее у тебя нет, говорит ей Гамлет. Вместо этого она должна сопротивляться прихотям нового короля, а со временем это станет привычкой и поступать так станет легче. «Нарядиться» в добродетель – значит ее усвоить,

так что она «подойдет к лицу». Обычай – регулярная практика, усвоенная привычка – можно использовать для блага. Вот как это работает:

...Свершение благородных дел
Он точно также наряжает в платье
Вполне к лицу.

«Наряжаться» в добродетель нормально. Гамлет говорит, что это не лицемерие. Таким способом мы усваиваем добродетель:

Сегодня воздержитесь,
И это вам невольно облегчит
Дальнейшую воздержность; дальше – легче;
Обычай может смыть чекан природы
И дьявола смирить иль прочь извергнуть
С чудесной силой.

«Привычка» – то есть повторяющиеся поступки, которые оставляют свой отпечаток на нашей психике и на поведении, – может разрушать, она может обрести такую сильную власть над жизнью, что сердце перестает чувствовать. Но эту же «привычку» (или «обычай») можно использовать для блага, и тогда она помогает нам облечься в добродетель, которая изначально нам не свойственна, но со временем становится естественной. Это средство, говорит Гамлет, позволяет достичь чудесных результатов. Таким образом, здесь Гамлет решительно отмечает аргументацию Лютера. Шекспир через слова своего героя вносит здесь вклад в продолжительные и сложные споры между теми, кто считал, что добродетель вполне сочетается со здоровым христианским учением, и теми, кто видел в ней языческое представление, которое христианин должен отвергнуть.

Об этом много размышляли самые великие христианские умы – в частности, Августин в VI веке и Фома Аквинский в XIII веке. Они, вместе с рядом не столь знаменитых мыслителей, незримо присутствуют во всех подобных дебатах. Однако почему-то в этих спорах люди достаточно редко обращаются к самому Новому Завету. Можно ли относиться к следованию за Иисусом и к его призыву «искать прежде Царство Божие» (Мф 6:33) как к пути добродетели? Или насколько понятие «добродетель» соответствует «Евангелию благодати Божией» Павла (Деян 20:24)? И почему сам Павел, который достаточно хорошо знал культуру и философию своего времени, никогда не употреблял слова *areté* – которым в том мире чаще всего называли добродетель? Но почему тогда в самые ключевые моменты он говорил о важности развития и формирования христианского характера?

Если последнее вызывает у кого-то сомнения, давайте в этом разберемся, прежде чем мы перейдем к другим вопросам. Когда апостол Павел говорил: «Если законом оправдание, то Мессия⁷ напрасно умер» (Гал 2:21), – он напоминал об одном ключевом принципе. Какие бы слова и термины мы ни выбирали, говоря о том великом даре, который единый истинный Бог даровал своему народу в Иисусе Христе и через него («спасение», «вечная жизнь» и так далее), этот дар остается именно *даром*. Мы никогда не можем его заработать. Мы не можем сделать Бога нашим должником, мы всегда будем должны Ему. Все, что я буду говорить о нравственной жизни, нравственных усилиях, о сознательном отношении к нашему

⁷ Автор намеренно переводит греческое Христос как Мессия. Здесь и далее соответствующее изменение внесено в Синодальный перевод. В книге цитаты из Библии приводятся в Синодальном переводе. В некоторых случаях Синодальный перевод изменен в соответствии со смыслом авторского перевода Нового Завета с греческого на английский. – Прим. пер.

поведению, должно звучать исключительно в контексте благодати – той благодати, которая воплощена в Иисусе и в его смерти и воскресении, благодати, которая действует, когда кто-то, исполненный Ауха, возвещает Благоую весть, благодати, которая через Святого Духа продолжает действовать в жизни верующих. Нельзя сказать, что Бог сделал часть работы для нашего спасения, а мы должны выполнить все остальное. Нельзя сказать, что мы сначала получаем оправдание по благодати через веру, а затем самостоятельно беремся за завершение начатой работы и без посторонней помощи стремимся жить святой жизнью.

**Сегодня мы все прекрасно
понимаем одну ужасную
истину: самые мерзкие, самые
бесчеловечные и жестокие
дела совершают люди, которые
действуют во имя «религии»**

Более того, если мы попытаемся сделать Бога нашим должником, постаравшись стать «достаточно хорошими для Него» (что бы это ни значило), ситуация станет еще хуже. Сегодня мы все прекрасно понимаем одну ужасную истину: самые мерзкие, самые бесчеловечные и жестокие дела совершают люди, которые действуют во имя «религии». Конечно, религия здесь часто служит прикрытием, оправданием насилия, за которым стоят иные причины и мотивы, но это только подтверждает справедливость того, что я сказал. Когда кто-то утверждает, что «Бог на моей стороне», он уже не связан никакими нравственными ограничениями. И даже если человек, который стремится показать Богу, насколько он хорош, не набрасывается на других людей, он, вероятнее всего, станет невыносимо самодовольным человеком. Каждый из нас предпочел бы жить среди людей, которые ясно понимают, что они недостаточно хороши для Бога, но смиренно благодарят Бога за то, что Он все равно продолжает их любить, а не среди людей, которые глубоко уверены в том, что соответствуют Божьим стандартам, и потому могут смотреть на других с высоты своего морального пьедестала.

Учение об «оправдании верой» гораздо больше того, что здесь сказано, но не меньше. Радикально новое представление апостола Павла о том, что значит быть человеком и что с тобой происходит под действием безграничной Божьей любви, явно соответствует мнениям большинства людей о том, какие качества они хотели бы видеть в окружающих, а какие нет. Хотя такие мнения в значительной степени субъективны, они вполне реально помогают нам понять, что значит быть человеком в подлинном смысле этого слова.

С другой стороны, апостол Павел и другие христианские писатели первых веков совершенно однозначно понимали, что, хотя люди не могут стать достаточно хорошими для Бога и следовать Его нравственным призывам, опираясь на свои силы, это не значит, что им достаточно пожать плечами и навсегда отказаться от нравственных усилий. Один из самых сильных риторических вопросов Павла, на который он отвечает своим знаменитым «Никак!», говорит именно об этом (Рим 6:1–2). Павел поведал о головокружительном величии Божьей любви, излитой на нас в Иисусе Христе и даровавшей нам искупление, оправдание, примирение, спасение и мир (Рим 3:21–5:21), и здесь же переходит к вопросу, который мучает многих людей в нашем мире. Хорошо, если Бог любит нас так сильно, хотя мы ничем этого не заслужили, но должны ли мы оставаться в этом недостойном состоянии, чтобы Бог продолжал нас любить так же? На сжатом и несколько специальном языке Павла этот вопрос звучит так: «Остаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать?» Если Бог любит извлекать людей из грязи, в которой они валяются, то стоит ли нам и дальше жить в грязи, чтобы Бог любил нас еще больше?

Павел отвечает на это решительным «нет», и мы не вправе сказать, что апостол здесь утратил чувство логики. Просто логика Божьей благодати куда глубже, чем это подразумевает заданный вопрос. И эта логика проливает новый смысл на добродетель – она становится тем средством, которое позволяет нам следовать за Иисусом. Проиллюстрирую это положение на одном примере.

Я знаком с одним человеком, который возглавил хор деревенской церкви, много лет находившийся в достаточно бедственном положении. Эти певчие с героическим усердием пытались исполнять гимны, чтобы прихожане могли им подпевать, а по особым дням исполняли что-то посложнее. Но результаты всех их усилий, если сказать честно, не были особо впечатляющими. Прихожане благодарили певчих скорее из сочувствия к их усердию, чем за красоту пения. Сколько они ни репетировали, ситуация не улучшалась, возможно, тем самым они только лишь закрепляли свои неправильные привычки. И когда к ним пришел новый руководитель, который деликатно изучил, что они могут и чего нет, это было как бы актом благодати. Он не сказал им, что они ни на что не годятся, и не возмутился, когда они фальшивили. Это не улучшило бы ситуацию, но лишь породило бы у них депрессию. Он принял их такими, какие они есть, и начал с ними работать. Но он так себя вел вовсе не потому, что хотел сохранить прежнее положение вещей с новым дирижером, который просто машет перед ними руками. Он принял их такими, какие они есть, чтобы они могли... научиться петь! И теперь они действительно этому научились. Мой друг, побывавший в той церкви на службе всего несколько недель назад, сказал мне, что этот хор совершенно преобразился. Те же самые люди – и совершенно новое пение! Теперь на спевках они понимали, что они делают, и потому могли научиться петь лучше.

**Бог любит нас такими,
какие мы есть, и он находит нас,
когда мы (более или менее)
обитаем в грязи и беспорядке**

Подобным образом действует и Божья благодать. Бог любит нас такими, какие мы есть, и он находит нас, когда мы (более или менее) обитаем в грязи и беспорядке и, начиная петь, фальшивим. И даже если мы пытались быть хорошими, часто это только усугубляло наше бедственное положение – просто к нашим падениям примешивались кратковременные периоды, когда мы собой гордились. И христианин никогда не перестает удивляться тому, что Бог пришел к нам сюда, в мир нашей гордости и страха, грязи и неразберихи, бунта и греха.

Вот в чем заключается христианское Евангелие, Благая весть: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, Иисуса Христа, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Такими словами один из самых известных стихов Нового Завета (Ин 3:16) описывает все это. Любовь Бога через Иисуса Христа находит нас там, где мы обитаем, и нам нужно только лишь принять ее. Но как только мы ее принимаем – когда мы приглашаем нового руководителя для нашего неумелого и фальшивящего хора – мы обретаем новое желание вглядываться в ноты, понимать музыку, чувствовать ее гармонию и ход мелодии, правильно дышать и издавать нужный звук своими голосами... и постепенно научиться петь без фальши.

Желая лучше петь, мы начинаем *тренироваться* и усваиваем нужные *привычки*, начинаем *формировать характер* не просто хорошего певца, но хорошего певчего в хоре, так что мы находим свое место *в неоконченной истории* музыкального искусства – если говорить конкретнее, в истории церковной музыки, в которой участвовали Бах, Гендель и их предшественники. Это определенная последовательность событий: благодать находит нас там, где мы есть, но не оставляет нас в этом месте, а дает нам указания и способность приобрести правильные привычки, которые заменят привычки неправильные.

Как же это происходит в христианской жизни? Как преображается нравственность? Значит ли это, что нам вручают Десять заповедей, наряду со многими другими, и просят их выполнять? А где же здесь место для новозаветной триады «вера, надежда, любовь»? Как они совмещаются со всем прочим? И если в нас действительно рождается новое желание петь без фальши в хоре нравственной жизни, как оно связано с добродетелями? И наконец – прежде всего, превыше всего, за пределами всего, – что произойдет с этой картиной, если мы будем смотреть даже не на проповедь первых христиан об Иисусе, но на самого Иисуса, на его жизнь и слова, на его весть о Царстве Бога, на его смерть и воскресение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.